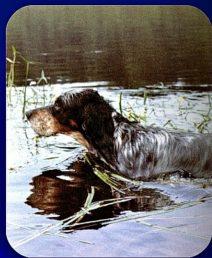
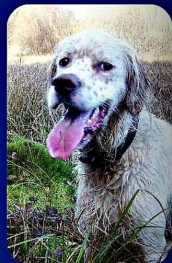

Игорь Филиппов

*Человек и Собака.
Взаимная дрессировка*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Андреевич Филиппов

Человек и собака.

Взаимная дрессировка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54308670

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06430-0

Аннотация

В своей очередной книге автор – охотник и кинолог с более чем полувековым опытом – рассказывает о шести английских сеттерах, проживших всю жизнь в его семье. Книга заставляет читателя сопереживать вместе с автором о каждом мгновении жизни замечательных собак – партнёров на охоте и верных друзей человека в семейной жизни. А самый главный и интересный вопрос книги: кто же кого воспитывает и дрессирует: человек – собаку или собака – человека? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	6
Повесть первая. Мастер охоты по белым куропаткам	11
«Настрелял, и хватит!»	11
Появление Веги	17
Взаимное узнавание	22
Эксперимент	27
Первая охота с Вегой	31
Разбойное нападение	44
Куропач и заяц	48
Опасная переправа	52
Старый удивлён	58
Мокрая ночёвка	62
Изумительное чутьё	67
Показательная стрельба	71
Гусь-гуменник и стрельба без штанов	75
Прыжок	80
Приключение в вагоне	82
На Родине отца	86
На глухарином току	89
Разлад	99
Три счастливых дня в сентябре	101
Ночное волшебство	107

В землянке	111
Обратный путь	122
На Паше. Последние охоты с Вегой	126
На самой высокой сопке...	130
Повесть вторая. Чёрно-крапчатый цветочек	136
Соколовы и их Донька	136
Это Судьба!	139
И сразу в отпуск!	141
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Любимой жёнушке Татьянушке, воспитавшей наших детей, давшей умные советы по дрессировке и натаске собак, проявившей безграничное терпение при корректуре моих повестей и рассказов, а главное – удержавшей меня от непродуманных и торопливых поступков...

Предисловие

Последние годы – примерно лет десять – моя память делает чудеса: она удивительно явственно выносит из своей глубины картины далёких событий, настолько ярко, что мне начинает казаться фантастическое: сейчас, вот именно сейчас я снова живу среди моих родных, друзей и собак, которые давно ушли к предкам и теперь блаженствуют в местах вечной охоты и рыбалки... Конечно же, то, что со мной происходит, называется возрастными изменениями, но насколько же интересны эти мои странствия по Прошлому!

Размышляя над тем, что же привлекает меня в сегодняшних моих путешествиях в те далёкие года, нахожу такой ответ: *«Щемящая тоска по великолению давно минувших дней, которым нет возврата»*. И вот я сижу и пишу про всё это. Пишу не спеша, потому что у меня осталось маловато времени, чтобы спешить... Вот такой вот парадокс...

Кому же нужны мои воспоминания про нашу жизнь, про наших детей, друзей и врагов, про наших собак? Первым делом жене (вдруг она не знает некоторых интересных деталей?), нашим детям, внукам, будущим правнукам и, конечно же, родным, друзьям и товарищам. Наверное, и врагам, которые непременно есть, вот и пусть узнают правду о моём к ним отношении. Поэтому и пишу. И очень надеюсь на то, что читатель обязательно заинтересуется переживаниями

моих героев.

Основанием для шести повестей о наших собаках, представляемых читателю, стали мои охотничьи дневники, записи в которые вносились сразу же, пока ещё не стёрлись из памяти впечатления от пережитого. Именно тогда находились и точные слова, и нужные краски. Да и оценка событиям давалась более правильная, пусть иногда и горькая...

Конечно же, наша жизнь сложна и полна неожиданностей. Сейчас, читая эти дневники, я порой не могу понять, как же во мне уживалась любознательная тяга к природе, к охотничьим скитаниям, к собакам, и одновременно – основная профессия офицера ВМФ. Очевидно, что только любовь близких людей позволила мне как-то существовать в этом моём, во многом эгоистичном мире...

Нашей семье очень повезло: вся жизнь освещена собачьей любовью. Что бы с нами – людьми – ни случилось, в какие бы человеческие передрыги мы ни попадали, всегда нас дома встречали собаки: с бурным, сносящим крыши молодым скаканьем, собачьими поцелуями в нос, уши, щёки... или со зрелым партнёрским постукиванием хвоста, приглашающим к охотничьим приключениям... либо с печальным взглядом старости, полным щемящего чувства приближающейся утраты... И всегда происходило чудо растворения неприятных событий человеческого мира, даже трагических, в море-океане утешительной собачьей любви.

Собачьи Боги решили так, что первая собака *нашей* се-

мья оказалась английским сеттером. Очевидно, Собачьи Боги каким-то образом разобрались, что именно *наша* семья соответствует высоким критериям выбора людей-партнёров собаками породы английский сеттер. Слова «*нашей, наша*», только эти слова здесь и подходят: если не было бы в то время рядом жены Татьяны и детей Антошки и Маришки, вряд ли мне – молодому флотскому офицеру – удалось бы завести собаку. Что касается меня лично, то ни разу в своей большой охотничьей жизни я не пожалел об этом собачьем выборе.

На протяжении полувека мне довелось наблюдать жизнь охотничьих легавых собак различных пород, да и не только легавых. А если прибавить мои детские годы с охотничьими собаками отца, то получится ещё больше. Насмотрелся я на них и на выставках, и на испытаниях-соревнованиях, и на охотах, и дома в семейном кругу. Видел прекрасно поставленных собак, работающих как часы, видел и неучей, видел «гонцов», видел тугие стойки, непослушание, не проявление чутья... всё видел. Большинство этих собак – независимо от породы – объединяла страсть к охоте и любовь к охотнику-партнёру и его семье.

Мне повезло: все шесть англичан, которые выросли и жили в нашей семье, поняли своё наиглавнейшее предназначение – быть охотничьей собакой. Именно тогда – в момент осознания своего предназначения – зов предков, который дремлет в каждом щенке, чудесно прорвался на волю, разжигая неугасимый пожар охотничьей страсти и любви к че-

ловеку. Подобные пламенные сердца и неукротимые порывы встречаются и у людей. Но не часто. Можно даже сказать – редко! Кишка у них слабовата... Про себя же я твёрдо знаю: как бы ни сложилась концовка жизни, всегда буду повиноваться этому властному неумолчному зову. И ещё, для читателя: не люблю в отношении собаки употреблять и слышать слова «*хозяин, владелец*», вместо них предпочитаю «*друг, товарищ, партнёр*».

В этих повестях о наших собаках нет ни капли лжи, ни грамма фантазии и преувеличения, а есть только попытка выразить свои чувства к ним – друзьям и спутникам нашей жизни, равноценным партнёрам, те чувства, которые могут быть неизвестны не только моим родным, но даже и мне самому, и только теперь – при написании – обдуманнные и окончательно сформировавшиеся. Особенно мне хочется рассказать, как ведут себя собаки в необычной, сложной, иногда даже экстремальной обстановке. Постараюсь написать и об особенностях воспитания щенков и натаски молодых собак, о совершённых мною при этом ошибках и победах.

Прошу учесть, что я никогда не стремился к постановке исключительно спортивной легавой собаки, считая, что спорт «зжимает» собачье поведение, ограничивая самостоятельность, столь необходимую на охоте, а охота в свою очередь разбалтывает спортивную составляющую собачьего поведения.

В конце моего повествования я постараюсь в отдельной

главе сделать сравнительный анализ наших собак в части охотничьего поведения, выявив лучшее, и, конечно же, недостатки. Думаю, что это будет интересно правильным охотникам, и не только легашатникам.

Написать только о собаках, конечно же, не получится. Обязательно найдётся немалое место человеческим чувствам и проблемам. Заговорят давно ушедшие в мир иной люди, снова проявятся их мысли и действия, как замечательные и полезные, так и не правильные, даже подлые. Что ж, это жизнь, со всеми её гранями и выкрутасами...

И ещё. Эти книга написана не для маменьких сыночков, в каком бы возрасте они ни были, и не для девочек, хныкающих над маленьким комариком, сломавшим ножку, и не для лесбиянски-геевых существ среднего пола и приверженцев однополых браков...

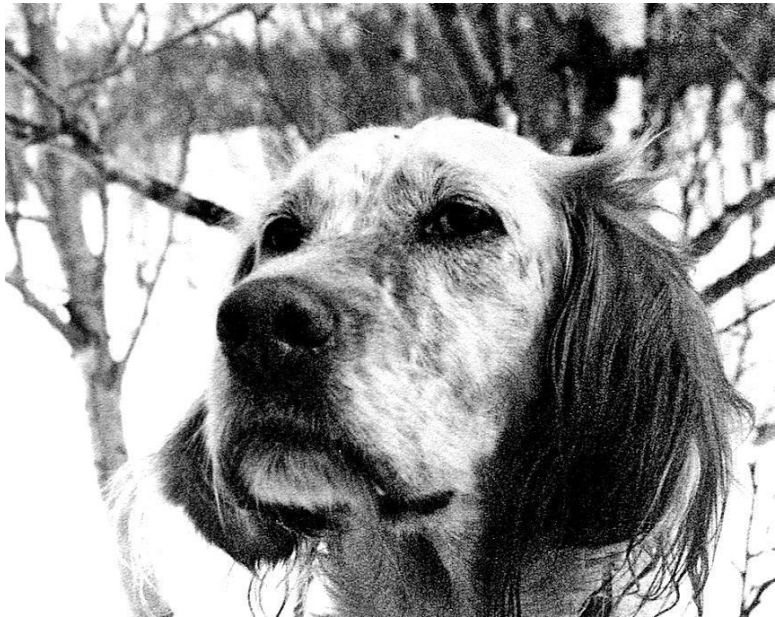
Герои этой книги – нормальные люди, которые с помощью своих хвостатых партнёров – легавых собак – осуществляют поиск и добывают дичь, стреляя из ружей в лесах, полях, лугах, болотах, в горах и пустынях, на реках и озёрах.

Эта книга написана для настоящих мужиков, никогда не предающих друзей-товарищей, прямодушных, а иногда и жёстких охотников и рыбаков, их верных жён и детей, подлинных ценителей и защитников Природы.

Повесть первая. Мастер охоты по белым куропаткам

«Настрелял, и хватит!»

Идёт второй год моей службы на Севере. Сентябрь 1971 года выдаётся довольно тёплым. Наши почти двухлетние детишки гостят в Питере у бабушек и дедушки. Как только у меня появляется свободное время, мы с Таней топаем в сопки, за грибами, которых появилось во множестве. С собой у нас корзины, рюкзак, банка тушёнки, хлеб, пара луковиц, варёные яйца, маленький котелок для чая: воду в то время никто из дома не брал, свободно используя чистейшую влагу ручьёв и озёр. На плече у меня верная «двадцатка», взятая в надежде наткнуться на уток или белых куропаток, которых я ещё никогда не стрелял, только видел несколько раз на зимних дорогах Кольского, да ещё слышал весной «вявяканье» куропадчей с сопки над городом. Это мой первый выход с ружьём на Севере.

Мастер Вега. Умный взгляд

Суббота, около 16 часов. Облачно, но без дождя. Погода совершенно не предвещает скорую зиму. Хилые и кривые от ветров северные деревья и кустарники расписаны осенью во всевозможные цвета. Это разноцветье подчёркивается стильной глубиной многочисленных прозрачных озёр и озёрец. В тишину, повисшую в распадках между сопками, вплетается хрустальное переливистое журчание ручейков и изредка –

трубный голос большого чёрного ворона.

Медленно двигаясь по склонам сопок к Щук-озеру, наполняем корзины и рюкзак шляпками подосиновиков. К вечеру, вдоволь набродившись, ночуем у крошечного ручейка на склоне сопки, с которой открывается великолепная панорама Щук-озера. Кипятим воду и завариваем чай. Какая же это прелесть – крепкий чаёк, начисто смывающий усталость от скитания по крутоватым сопкам! После чая расслабленно отдыхаем под волшебный шёпот воды, тоненько звенящей среди скал... Под шёпот ручья проваливаюсь в сон, и вдруг, где-то на границе сна и яви, возникает еле слышный лай собаки... вот он усиливается, будто приближается, в нём возникают просящие и требовательные интонации... собака определённо что-то хочет сообщить... К чему бы это?

Позже, вспоминая мой полусон, я догадываюсь, что это было первое обращение Великих Собачьих Богов ко мне.

Лишь светает, а мы уже двигаемся по сопкам и многочисленным распадкам в сторону города. Срезая обратную дорогу, переходим голую каменистую сопку и спускаемся в лесистый распадок, заросший довольно высоким березняком. Ноги совершенно неслышно ступают по мягкому ковру черничника и шикши-водяники. По склонам сопок видна изобильно краснеющая брусника, вся в птичьих поклёвах. Среди брусничника гордо возвышаются подосиновики, которых брать уже некуда. Короткое северное изобилие...

И тут Таня находит пару белых грибов, что для наших

северных краёв большая редкость. Радуюсь удаче, мы продолжаем поиски, двигаясь параллельно друг другу. Внезапно слышу крик Тани: «*Скорее сюда!*». Что случилось?! Сбросив рюкзак, бегу. Неожиданно замечаю впереди под ногами, совсем рядом, какое-то движение. Присматриваюсь... Вот это да! Всё ближайшее пространство заполнено шевелящимся покровом из куропаток. Пёстрые по-осеннему, птицы почти незаметны на фоне густого черничника. Медленно снимая с плеча ружьё, делаю осторожный шаг, и... большущий выводок с треском дружно снимается, плотной группой сматываясь за ближайшую сопку. Мелькают белоснежные маховые перья крыльев и перья подхвостья... Всё! Держу в руках ружьё и, раскрыв рот, обзираю окрестности... Внезапно одна запоздавшая птица взлетает и летит прямо на меня. Ясно вижу её блестящий глаз. Пропускаю её над собой, разворачиваюсь и стреляю в угон. В момент выстрела куропатка скрывается за склоном. Промаях!

«*Видела?!*» – спрашиваю жену. «*Да... Здорово, - отвечает Таня, – а вдруг они недалеко сели? Сходи, поищи – я тут подожду*». Спешу за улетевшим выводком. За сопкой, куда птицы скрылись, почти такой же распадок с березняком. Мечусь в бесполезных поисках – куропаток нет... Длится мой поиск довольно долго. Слышу далёкий зов Тани. Надо возвращаться. Решаю срезать путь, иду напрямик, через невысокую сопку, поросшую карликовыми берёзками и низким можжевельником. И чуть не наступаю на куропатку, кото-

рая, взлетев, мгновенно скрывается в распадке, из которого я только что пришёл. Вот ведь неудача: опять я не успел выстрелить... Но что это? Вижу метрах в тридцати птицу, бегущую между камней. Куропатка низко держит голову, стараясь быть незамеченной. Прицеливаюсь, но она уже за камнем. Делаю короткую перебежку, тут же птица взлетает и летит над самой землёй вправо, стараясь облететь меня и скрыться в распадке. Она вся на виду. Старательно, с необходимым упреждением выцелив, стреляю из правого. Чисто битая куропатка валится на крутоватый каменистый склон сопки, медленно съезжая по камешкам к подножию. Забыв перезарядиться, в несколько прыжков преодолеваю крутизну склона и – вот она, моя первая белая куропатка! Это молодой петушок, очень красивый. Среди рыжих и серо-пёстрых перьев оперения кое-где проступают белоснежные перья зимнего наряда.

Отношу птицу Тане, а сам ещё в течение часа безрезультатно ищу птиц. Таня зовёт домой: *«Пошли! Скоро будет темнеть! Настрелял, и хватит!»*. Как это *«настрелял, и хватит»*? Там же больше десятка птиц! Но вынужденно соглашаюсь: до дома ещё часа два тяжёлого бездорожья.

Всю обратную дорогу обдумываю наше охотничье приключение. И здесь, на пути к дому, Собачьи Боги снова стучат в мою голову мечтой об охотничьей собаке. Но как сказать об этом Тане? Как ей прожить в коммуналке с двумя малышами и собакой в то время, когда я много дней буду на

службе, в море? Да и вообще – откуда здесь возьмётся собака?!

Возвращаемся домой в темноте. Заканчиваем обработку грибов поздней ночью, спать до подъёма остаётся всего пару часов. Перед провалом в глубокий сон решаюсь всё-таки высказать Тане свои мечты о собаке. Во сне я выслеживаю куропаток вместе с верным псом непонятной породы, и мой дуэлет сливается с оглушающим звоном будильника...

Появление Веги

Больше в ту осень поохотиться мне не удаётся: военно-морская служба – это всё-таки «не фунт изюма». После первой, такой памятной охоты, происходит несколько событий: в октябре бабушка привозит на Север наших двойняшек; мне присваивают звание старшего лейтенанта; делаю чучело того самого куропаца, и... всё это время мечтаю о собаке.

Вега в городе. 1971 год

К моей радости, Собачьи Боги продолжают свою деятельность: они «подкидывают» нам друзей. 7 ноября, гуляя всей семьёй по празднично украшенным улицам, совершенно неожиданно встречаем одноклассника Татьяны по ленинградской школе № 397. Это Олег Осипов, в этом году окончивший Высшее Военно-Морское Училище Подводного Плавания имени «Ленинского Комсомола». С ним жена Наташа и дочь Алёнка, чуть помладше наших детей. Знакомимся, и... семейство Осиповых тут же оказывается у нас в гостях. Олег – увлечённый охотник, он так же мечтает о собаке и охотничьих приключениях, как и я. Увидев чучело осеннего куропаха, Олег признаётся, что всё время хочет научиться сохранять трофеи именно таким способом, но не знает, как за это взяться. Между нами моментально пробегают искра взаимной симпатии: говорим и о «собачьих» мечтах, и о создании коллекции чучел северных охотничьих птиц, и о будущих совместных походах. Замечтавшись, совершенно не слышим разговоры наших жён о детях, полярной ночи, трудностях с продуктами, невозможности устроиться на работу. Короче говоря, расстаёмся друзьями и в дальнейшем встречаемся так часто, насколько это возможно.

Проходит ещё почти полгода до знаменательного события, когда Судьба стучится в дверь в образе запыхавшегося

Олега, который радостно сообщает, что нашёл охотничью собаку, четырёхлетнюю суку английского сеттера! Год назад в семье, где жила собака, случилось несчастье: трагически погиб глава семьи, мичман и охотник. И теперь его вдова хочет продать собаку, но только в охотничьи руки. Сука натаскана по белым куропаткам, есть родословная, в которой значатся два диплома по боровой дичи. Олег и сам бы её взял, да уже договорился о приобретении в Мурманске щенка западно-сибирской лайки. Решать надо быстро, иначе собака может «уйти» в другие руки.

Да... весть, конечно же, приятная... и Таня согласна... и дети, узнав об этом, радостно вопят... Но вот как быть с деньгами?! Это – почти непреодолимая стена для молодой семьи, где все доходы-расходы расписаны на много месяцев вперёд. К счастью, и эта задачка быстро решается: удаётся занять деньги у сослуживца.

Настаёт воскресенье, и мы с Олегом торжественно идём за собакой. В кармане у меня пятьдесят рублей, а в груди бухающее от радости сердце, полное охотничьих мечтаний. У Олега в руке короткая верёвка: поводка второпях мы так и не нашли. Дома Таня с ребятами готовятся к встрече.

Маленький домик на две семьи на окраине города. Стучим в дверь. Хозяйка Ольга Ивановна, женщина средних лет с озабоченным лицом, проводит нас в темноватую кухню, где у жарко натопленной плиты на половичке спят две (!) собаки: оранжево-крапчатая сука и её толстый щенок явно

«дворянского» происхождения. Хозяйка объясняет, что после кончины мужа Вега – такова кличка собаки – совершенно отбилась от рук: не слушается, уходит и шляется по всему городу, копается в помойках... вот и нагуляла потомство. Хорошо, что родился всего один щенок, а то бы не знала, что и делать. Однако нам нечего бояться, так как Вега уже не кормит – молоко перегорело, можно собаку спокойно забирать, а щенка она оставит себе, для охраны. Вот такие дела... Вега поднимает красивую голову, смотрит на нас мудрым взглядом, словно ожидает чего-то. Это мгновение разрешает мои сомнения в пользу собаки.

Сую деньги, но так, чтобы Вега не видела. Зову собаку гулять, показывая на дверь. Вега встаёт, отряхивается и спокойно идёт следом за мной. Привязываю поводок-верёвку к кольцу ошейника и... прощаемся с хозяйкой. На глазах у неё слёзы: Вегу очень любил покойный муж... Для Ольги Ивановны печаль, а для нас – радость. Дверь из темноватого домика распахивается в яркое охотничье будущее, полное удивительных приключений!

Обратный путь до дома проходит без происшествий. Вега идёт рядом, не делая никаких попыток удрать, даже натянуть поводок. Удивительно! У нашего дома Олег прощается – ему надо бежать на службу – а я ввожу Вегу в лифт, пахнущий кошками, и мы поднимаемся на седьмой этаж. Даже в лифте собака совершенно спокойна!

Даю два звонка (один – это к соседям), Таня открывает

дверь, и... её настороженное лицо расплывается в улыбке, она приседает к собаке и обнимает её за шею. Вега лижет Таню в лицо... Всё! Я успокаиваюсь в отношении жены, но... как-то встретят Вегу ребята? Встреча проходит прекрасно: умная собака позволяет детишкам делать с ней что угодно! Однако когда дети совсем уж забываются в своих ласках и играх, Вега быстро показывает им, кто из этой троицы старший.

На первую прогулку с собакой выходим всей семьёй. Почти сразу становится ясно, что с Вегой поводок вообще не нужен: слушается идеально. Но в детских играх со швырянием палочки, лепкой снежных баб и игрой в снежки участия не принимает, просто отходит в сторонку, словно понимает в жизни что-то такое, что считает главным, а остальное её не волнует. *«Может быть, это тоска по хозяину?»* - обсуждаем с Таней. Мы и не догадываемся, что *собака давно уже знает своё предназначение и всё время – каждую минутку – ждёт приглашения на охоту!*

Взаимное узнавание

С появлением Веги жизнь нашей семьи меняется. Надо теперь, кроме детей, заботиться и о собаке: выгуливать, кормить, расчёсывать её красивую длинную шерсть. А главная задача – разобраться в собачьем характере, привычках, желаниях, даже мечтах. Одновременно и Вега изучает наши характеры и особенности поведения. И, похоже, справляется с этим быстрее, познав нас в совершенстве за несколько дней. Мы же открываем для себя неизвестные нам ранее оттенки собачьего характера ещё очень долго.

Разобравшись, Вега даёт понять, что наша семья, в которой она окружена заботой и любовью, это и её дом, обитатели которого должны быть подчинены строгой иерархии. Вега по её мнению – находится между взрослыми и детьми. Следовательно, она тоже должна воспитывать детей. Когда до нас с женой это доходит, мы с удовольствием принимаем «собачью» расстановку.

Хорошо с Вегой в городском парке!

Основным «воспитательным» занятием Веги на прогулках и дома становится наблюдение за поведением детей и ограждение их от всяческих, по её понятию, бед. Особенно от чужих людей, фамильярности которых она совершенно не переносит. К примеру: детишки играют во дворе или в городском парке, собака спокойно сидит неподалёку, внимательно наблюдая за ними, но стоит только кому-то подойти, как Вега начинает волноваться, ворчать, по-своему стараясь отогнать пришельца. Кстати, собачкой она оказывается довольно молчаливой – почти не лает.

И не кусается. Был только один случай, произошедший через пару лет с Ларисой Кайстрия, женой моего друга Вадима из незабвенного калининградского детства. Вадим служил в то время на крейсере «Мурманск», а его семья проживала на той же лестничной площадке, что и мы, поэтому Лариса частенько заходила к нам пообщаться.

Вот и в тот день Таня с Ларисой пьют чай, ведя вечную беседу о трудностях существования флотских жён, а Вега мирно посапывает под столом. Вдруг Лариса вспоминает про какие-то дела, прощается, встаёт из-за стола и... случайно наступая на распростёртое ухо спящей собаки! Раздаётся собачий взвизг, затем вскрик укушенной Ларисы. Спросонья Вега сильно прокусывает Ларисе ступню (Лариса пришла в тапочках, по-домашнему). Собачий клык попадает в такое место, что нога мгновенно распухает, и Лариса не может одеть уличную обувь. Таня выдаёт подруге валенки, в которых Лариса и ковыляет несколько дней. Хорошо, что зима, снег, мороз... После укуса Вега по-своему извиняется перед Ларисой, лижет ей укушенную ногу, однако Лариса с тех пор общается с собакой несколько настороженно.

В 70-е годы прошлого века Военно-Морской Флот нашей огромной страны борется с известным вероятным противником за господство на море-океане. В этот период «холодной войны» надводные корабли и подводные лодки Северного Флота регулярно выходят в море решать различные задачи. И я частенько, иногда неделями и даже месяцами, до-

ма не бываю. Однако случаются периоды спокойной службы, когда жизнь идёт размеренно, позволяя каждый день в одно и то же время заявляться домой. Расцеловав родных, я, как правило, выхожу с Вегой на прогулку, иногда и всей семьёй.

Как-то раз, традиционно проделав весь этот обряд, мы семейно сидим за вечерним чаем. Мы – за столом, Вега – под столом. Таня улыбается и рассказывает о Веге удивительные вещи. Не секрет, что Вега всё время ждёт моего появления домой. Это понятно. Но, оказывается, Вега научилась за время постоянного ожидания считать звонки! Когда раздаётся один звонок, соседям, собачка поднимает голову и настораживается. Если больше звонков нет, то голова собаки вновь опускается на пол. Но стоит прозвучать второму звонку, как Вега моментально вскакивает и бежит к двери встречать. Здорово! Ай да Вега-математик! А ещё собачка слушает металлическое хлопанье дверей лифта, разбираясь по этому хлопанью, кто конкретно поднимается, почти безошибочно угадывая именно моё «поднимание». Это её удивительное «лифтовое» угадывание похоже на волшебство!

Однако выявляется у Веги и ужасно вредная привычка, приносившая и нам, и ей, неприятности. Собака, привыкшая целый год копать в помойках и жрать отбросы, подбирает на улице всякие куски, корки и косточки, даже пролежавшие на земле с «доисторических» времён. Сожрав что-нибудь непотребное, долго страдает животом, а мы её всячески лечим. Наши терпеливые попытки отучить её от это-

го оказываются совершенно бесполезными – Вега проявляет удивительное упрямство. На прогулках мы вынуждены внимательно следить за поведением собаки, в нужные моменты насильно вытаскивая из пасти эту дрянь, но не всегда успеваем...

Эксперимент

Гуляя с Вегой по городу и окрестностям, мы стараемся – по понятным причинам – не подходить к дому её бывших хозяев. Но в нашем маленьком городке встреча неизбежна. И она-таки происходит.

Антошка с Вегой. 1972 год

Как-то раз мы с Вегой вдвоём неторопливо двигаемся по улице Комсомольской, направляясь на Почту. Естественно, без поводка. Совершенно неожиданно, из-за угла дома возникает Ольга Ивановна с большой сумкой в руке. Вега радостно бросается к ней, прыгает вокруг, стараясь лизнуть в лицо. Женщина, смахивая рукой слезу, наклоняется к собаке, оглаживает её, потом выпрямляется и сообщает, как сильно скучала, как долго ждала встречи с Вегой каждый раз, когда выходила на улицу. А я, в свою очередь, рассказываю Ольге Ивановне, как приняли собачку в нашей семье, как она прижилась, и что мы теперь с ней – не разлей вода!

Ольга Ивановна внимательно слушает, неотрывно глядя на Вегу, и я вижу, как она скептически улыбается. Не верит, что ли? Но ведь всё так и есть! Вега – теперь член нашей семьи! Прямо говорю ей об этом. И всё равно она не верит, что за такой короткий срок собака может настолько привыкнуть, привязаться к нам. Как же ей доказать?

Неожиданно приходит решение: предлагаю, усадив Вегу, одновременно отвернуться от собаки и, не оборачиваясь, расходиться в разные стороны. За кем побежит Вега, тот и выиграет спор. При этом собаку звать нельзя. Всё просто, но меня скребёт мысль: *«Надо ли подвергать психику собаки такому испытанию?»* Ольга Ивановна, продолжая улыбаться, уверенно соглашается...

Расходимся... Что-то там происходит, за моей спиной? Метров двадцать иду довольно спокойно, потом начинаю волноваться, а через пятьдесят метров меня накрывает волна паники: ну зачем я предложил этот безумный эксперимент?! Хочется обернуться, но надо выдерживать правила... Безропотно и безоглядно продолжаю идти... *И тут замечаю идущую рядом Вегу!* Какая же ты молодец, собачка! А Вега, причуяв запах очередной косточки, валяющейся на дороге, как ни в чём не бывало, отправляет её в пасть, вкусно хрустя «доисторической вкусняшкой». Жизнь снова прекрасна!

Через месяц встречаемся с Ольгой Ивановной в магазине. Женщина смущённо признаётся, что во время эксперимента пыталась приманить Вегу пирожком. Собака обнюхала, но брать не стала (!), только лизнула руку, как бы прощаясь навсегда, повернулась и решительно побежала за мной...

Первая охота с Вегай

Быстро летит время. Вега окончательно привыкает к нашей семье. Предложенная собакой и принятая нами иерархическая расстановка работает прекрасно. Стоит только кому-то из детей приболеть, как Вега дни и ночи проводит у кровати заболевшего, карауля каждое движение. В критических, по мнению собаки, ситуациях, она немедленно докладывает нам.

У Олега появляется щенок западно-сибирской лайки по кличке Тайга. Однако мечты Олега об охоте с ней оканчиваются, к огромному горю его семьи, скорым уходом из жизни этой маленькой пушистой проказницы – прибирает её ненасытная чумка. Ветеринаров в нашем городке нет, в Мурманск Олегу не выбраться из-за службы, болезнь Тайги прогрессирует, ну и...

Обед в лесотундре. Таня, Вега, форелевая уха... и комары...

Летом нам с Таней удаётся немного «сжаться» и купить новое ружьё. Так у меня появляется двустволка-горизонталка ИЖ-26Е. Каждодневно занятый на службе и дома, я по-прежнему мечтаю об охоте с собакой.

Эта первая, такая долгожданная «собачья» охота подробно записана в моём дневнике, лежащем сейчас (ноябрь 2016 года) рядом, слева от клавиатуры, поэтому я могу очень точно и максимально достоверно рассказать об этом счастливом дне. Великое дело – дневник! Он мгновенно переносит меня во время нашей молодости, когда всё казалось легко и и

возможно. Карты-схемы и рисунки, прилагаемые к каждой сработанной Вегой птице, помогают подробно восстановить картину очередного охотничьего приключения.

Итак, 15 сентября далёкого 1972 года. 6 часов утра. Чуть светает, а мы втроём (Олег Осипов, Вега и я) уже вываливаемся из автобуса, проехав около двадцати километров в сторону Североморска-3. Обойдя озеро Генеральское, переходим вброд мелковатую речку, текущую через несколько озёр (на карте значатся как «озёра Лупбол»), и оказываемся на правом плече двуглавой сопки, известной как гора Верблюд, но правильнее её называть Вычимуайвенч, что означает по-саамски «Ходи-перевальчик». День ясный, солнечный. Около 7 градусов тепла. Снег, выпавший ночью, быстро тает.

Склоны горы Верблюд покрыты мелколесьем, состоящим из березняка у подножья, переходящего выше по склону в заросли карликовой берёзки и ивы. Кое-где возвышаются кривые сосенки и можжевельники. Временами встречаются огромные полусгнившие сосновые пни, жалующиеся на бурную деятельность человека. Пока не растаял снег, занимательно было видеть торчащие из-под снега оранжевые шляпки подосиновиков. Ещё не замёрзшую землю покрывает ковёр из черничника, брусничника и шикши.

Обходя каменистые осыпи и небольшие верховые болотца, стараемся придерживаться ягодников и березняков. Вега, почуяв любимые запахи, бежит впереди, делая короткие рейды по сторонам и старательно обнюхивая следы кормёж-

ки куропаток, которые явно видны на ягодниках. Но птиц нет, хотя идём уже два часа...

Немного смущает нас то обстоятельство, что идём мы с Вегой, так и не разобравшись до конца в «арсенале» правильных команд, к которым она приучена. Ни у Олега, ни у меня опыта управления легавой собакой на охоте нет... Решаем постигать эту науку с помощью опытной Веги.

Со склона сопки открывается чудесный вид на бескрайнюю лесотундру, желтеющую осенней листвой и белеющую кое-где пятнами снега. Словно пёстрое оперение моего прошлогоднего куропача. Отмечаем систему небольших озёр, соединённых ручьём.

Около восьми утра. Спускаемся вниз, к первому продолговатому озерцу с крутым берегом, покрытым черничником и густым березняком. Вега, неспешно идущая впереди, вдруг настораживается, резко поворачивает вверх по склону, делает несколько шагов и... замирает на стойке. Стойка у неё получается «крутая», под углом более сорока пяти градусов. Выводок куропаток дружно срывается из-за низких берёз и тут же скрывается за склоном. Слышу быстрый дуплет Олега, идущего выше. Успеваю выстрелить почти навскидку, едва поведя стволами по чуть отставшей птице, уверенный, что мажу. Однако куропатка падает, убитая наповал двумя-тремя дробинами. Птица молодая, небольшая, зоб набит ягодами и веточками черники. Оперение начинает меняться на зимнее: много белых перьев, особенно на брюшке. Что же

при этом делает Вега? А она совершенно спокойна, как будто совершает обычную работу: остаётся на месте после выстрела, а когда куропатка падает, подбегает к ней, садится рядом и... улыбается! Когда я подхожу и беру птицу в руки, Вега тут же идёт в поиск. Вот это работа! Олегу тоже удаётся сбить одну птицу. Он подходит, радостно произнося: «С полем, дружище!» Это первая наша дичь, взятая из-под левой собаки на правильной охоте!

Идём дальше, вдоль ручья, вытекающего из озера. Метров через двести обнаруживаем ещё одно озеро, совсем крошечное. Обходим его, продолжая идти по довольно крутому склону, Олег – чуть выше. Упираемся в обрыв с густейшим черничником. Олег обходит его, поднявшись ещё выше, а я вынужден спуститься вниз, к самому ручью. Вега упорно ищет на склоне, с трудом карабкаясь по крутизне. За ручьём вижу аккуратную, кудрявую от низкого березняка сопочку. Воздух чист и прохладен, вдыхать его удивительно приятно. Признаков усталости нет, хочется идти и идти вперёд.

Вега отвлекает меня от северных красот, застыв на очередной стойке. Теперь она стоит вниз по склону, с трудом удерживаясь на его крутизне. Присмотревшись, замечаю у неё под самым носом сидящую куропатку. Делаю шаг в сторону собаки, и тут куропатка, не выдержав, быстро бежит несколько метров и взлетает. На взлёте я её и сбиваю. Смотрю на часы: стрелки показывают восемь тридцать. Подхожу к упавшей добыче, аккуратно укладываю её в рюкзак, но где

же Вега? Она, чуть продвинувшись вниз по склону, продолжает стоять... Что за чёрт? Неужели ещё одна птица затаилась? Иду к застывшей собаке, держа ружьё наготове. Из-под самых моих ног вырывается куропатка и тянет через ручей в сторону кудрявой сопки на высоте полутора метров. Выстрел в угон, самый лёгкий. Успеваю отпустить её подальше, чтобы не разбить четвёркой. Меньше, чем четвёрка, в городском магазине патронов не бывает.

Подходит Олег, осматривает мою добычу, снимает свой рюкзак – решаем остановиться и немного отдохнуть. А Вега продолжает работать, снова застыв на стойке на самом берегу ручейка. До нас наконец доходит, что мы наткнулись на рассыпавшийся после первой удачи выводок. Бросив рюкзаки, с двух сторон осторожно подходим к собаке. Олег оказывается ближе к Веге, а я немного отстаю, обходя неудобно лежащие валуны. Почти из-под ног Олега поднимаются две птицы и летят в угон от него вдоль ручья. Мне стрелять совершенно нельзя: на линии стрельбы и Олег, и Вега. Вижу уверенную вскидку ружья у Олега, слышу звук выстрела, одна из куропаток падает в ручей, другая благополучно улепётывает. После выстрела Олега откуда-то из-за моей спины слышится шум взлёта куропатки, я, чуть не упав, поворачиваюсь на шум и успеваю навскидку поразить цель. Прибежавшая на звук выстрела Вега быстро разыскивает птицу среди густых берёзок. Надо же, я ведь прошёл мимо затаившейся куропатки, а она и не взлетела!

Взяв ещё по куропатке, очень довольные работой Веги, мы решаем прекратить «щипать» этот выводок, а поискать других птиц.

Следующий выводок находим часа через три, около полудня. Яркое солнце окончательно «съедает» выпавший снег. Поднимается лёгкий ветерок. Вега продолжает азартно искать, используя как верхнее чутьё, так и запах следов, при этом стараясь не делать лишних движений, как бы сберегая силы на многочасовую охоту по каменистым сопкам. Удивительная умница!

Выводок после приостановки собаки взлетает как всегда неожиданно. И близко. С оглушающим треском крыльев. Четыре наших выстрела гремят вслед, но... «*Знатно пропуделjali!*» - смеётся Олег. Что делать – на то она и охота!

Выводок большой, птиц около дюжины. Надо поискать. Переходим ручей и поднимаемся по склону кудрявой сопки, куда смылся выводок. Олег скрывается в березняке, и тут Вега поднимает куропатку, которая очень высоко летит над березками к вершине сопки. Выстрел из левого ствола получается очень далёким, метров на семидесяти, но удачным: сбитая птица валится в березняк, откуда через минуту появляется Олег. Он несёт в руке куропатку и шутит: «*Ты чего это куропатками кидаешься?!*» Оказывается, птица свалилась ему прямо под ноги.

Минут через пять, пройдя метров тридцать вдоль склона, видим, что Вега тянет к одинокому берёзовому кусту и твёр-

до стаёт. Подходим с двух сторон. Я – слева. Под кустом ясно видна пара затаившихся куропаatok. Командую Вега: «*Vneprёд!*» Собака тычется мордой в куропаatok, и те взлетают. Отпустив левую метров на 20-25, стреляю. Однако падают обе. Как так? Оказывается, и Олег в этот же момент нажимает на спусковой крючок, стреляя по правой. Выстрелы сливаются в один звук. Здорово получается! Договариваемся и в других похожих случаях стрелять по той птице, на чьей стороне она находится.

Через час тщательных, но безрезультатных поисков мы оказываемся на узком горбатом перешейке между двух красивых озёр с каменистыми берегами. Низковатое северное солнышко пытается пробить лучами озёрную глубину, чтобы добраться до дна, но это удаётся только на мелководье, где в прозрачной воде виден каждый камешек. Удивительное чувство единения с Природой охватывает нас. Мы присаживаемся на мох, толстым слоем покрывающий валуны, достаём котелок, кипятим на сухих смолистых веточках можжевельника воду, завариваем крепчайший чай, перекусываем, слегка кормим собаку, долго расслабленно курим, созерцая прекрасный мир вокруг... Олег предпочитает папиросы «Беломор», я – отцовскую трубку, набивая её тем же «Беломором». Вега после еды сразу засыпает: устала работница... Какая же она молодец! Всем, что с нами приключилось сегодня, мы обязаны ей, а ещё воспитавшему её человеку-охотнику, к которому у нас возникают тёплые чувства... жаль,

что он уже ушёл из жизни...

Проходит час. В самый «разгар» нашего расслабленного отдохновения совсем близко слышим громкое «вявяканье» куропада, похожее на хохот. Вега мгновенно просыпается, вскакивает и принюхивается, держа голову высоко, пытаясь поймать струйки куропадьяго запаха. Быстро собираемся и, стараясь не шуметь, идём за собакой. В конце перешейка обнаруживаем несколько длинных, поросших редкими берёзками полу-островков, параллельно уходящих в озеро, между ними посверкивают на солнце узкие мелководные заливчики. Решаем разделиться и идём каждый по своему полуострову. Вижу, как из-под Олега взлетают несколько птиц и тянут низко над водой на ту сторону озера. Олег сбивает одну, которая шлёпается в воду метрах в тридцати от берега. Вега, неспешно продвигаясь впереди меня, часто приостанавливается, настораживается, всем своим видом показывая, что куропатка бежит. Так оно и оказывается: на самом мысу птице деваться некуда, она взлетает и летит к ближайшему полуострову. Далековато, поэтому стреляю из левого, который бьёт покучнее. Дробовая осыпь, которая чётко видна на воде, удачно покрывает птицу, но та, как ни в чём ни бывало, долетает до полуострова и садится в редкие берёзки. Вега стоит на берегу и разочарованно провожает улетевшую куропатку. Быстро обходим заливчик и начинаем обыскивать полуостров. Через пять минут Вега делает стойку... подхожу, держа ружьё наготове... Вдруг собака опускает морду вниз, что-то

обнюхивает, потом садится, и, улыбаясь, смотрит на меня. Рядом лежит куропатка: сил у подранка хватило только на то, чтобы дотянуть до берега... Удачно!

Надо возвращаться к Олегу, помочь ему достать сбитую птицу из воды. Подходим и видим, как Олег, перекуривая, сидит на камушке и безнадёжно смотрит на свою куропатку, медленно дрейфующую под лёгким ветерком вдоль берега. Близок локоть, да не укусишь... Однако, не так уж и близок: до куропатки метров тридцать стыллой, холоднящей воды. Но ведь есть же у нас Вега, она достанет! Показав собаке в сторону куропатки, команду Вега: «*Поддай!*» Собака как не слышит. Более решительно подаю команду, бросаю ветки и камни в сторону птицы, но... никакого чуда не происходит: собака решительно не хочет лезть в воду. Может быть, боится холода? Или надо лаской? Пытаюсь по-всякому. Наконец настолько надоедаю Вега, что она удаляется подальше и обиженно укладывается среди больших валунов, демонстративно отвернувшись. Да... бывает же такое...

Докурив папироску, Олег решительно раздевается и лезет в воду. Через пять минут мокрая куропатка на берегу, а клацающий зубами дружище трясущимися руками пытается натянуть на себя одежду. Приходится развести костёр и выпить горячего чая. Пьём чай. Олег постепенно согревается. Обсуждаем, что же происходит с Вегой. В конце концов, так ничего не поняв, решаем, что время покажет, собираемся и двигаем в сторону дома. Определяемся по карте, как

можно пойти напрямик. Придётся преодолеть речку в другом, неизвестном нам месте. Особо этим не заморачиваемся: на карте видны частые поперечные линии, перечёркивающие голубую ленточку реки. Это перекат, по которому мы и переберёмся. А там уже до дороги с автобусом и попутками всего-то полчаса.

Куропаток больше не попадает, да и не надо: как-никак несём приличную добычу в количестве аж четырнадцати птиц. Представляем, как будут рады жёны и дети! Решаем устроить совместный праздник, пир по случаю удачной охоты с замечательным сеттером Вегай, подарившим нам потрясающие впечатления. Пока идём, потихоньку забывается концовка приключения с вынужденным купанием Олега. Вега, как ни в чём не бывало, привычно бежит впереди, обнюхивая окрестности.

Карта у нас надёжная, полу-километровка, на которой видна каждая лужица. Вернее, не карта, а кроки, снятое с совершенно секретной карты побережья (Тссс! Только никому ни слова!). Поэтому выходим к перекату очень точно. Поднимаем голенища и лезем в воду, быстро бегущую по камешкам. Здесь неглубоко, не более чем по колено. Вот мы уже и на середине потока, но где же собака? Оборачиваемся. Вега тоскливым столбиком сидит на берегу, печально глядя на нас. Что же это за бзики такие собачьи? Идём дальше, больше не оборачиваясь, решив таким способом заставить собаку пойти за нами. Выходим на берег, скидываем рюкза-

ки, приставляем к ним ружья, снова дружно поворачиваемся. Вега продолжает упорно сидеть на том же месте. Перекурив, перехожу речку обратно. Вега радостно меня приветствует, но мне не до радостей – ничего понять не могу.

Раз за разом, применяя все мыслимые способы, стараюсь заставить, упросить собаку войти в воду. Вега упрямо не идёт. А время-то не ждёт – можем и не успеть на автобус. Что потом? Тащиться двадцать километров до города после целого дня лазанья по сопкам совсем не хочется. В конце концов, склоняю свою буйную голову под живот собаки, взваливаю двадцатикилограммовую упряму на плечи, кое-как выпрямляюсь и осторожно вхожу в быстрый поток. Нашаривая ногами ровную дорогу, медленно перебрёдаю речку и устало сваливаю живой груз с плеч. Собака прыгает вокруг нас, всем своим видом показывая, что вот именно так и надо переправляться через водные преграды... И я делаю так все годы, до тех пор, пока Собачьи Боги не забирают от нас эту замечательную охотницу.

Окончательный вывод про странное поведение собаки таков: Вега по каким-то неизвестным нам причинам панически боится воды, и ничего с этим уже поделать нельзя. Решаем брать с собой на охоту короткий складной спиннинг. Для подцепления блесной упавшей в воду добычи.

Все добытые нашей троицей куропатки оказываются плотно набитыми черникой, отчего их красноватое мясо приобретает удивительный ягодный вкус. Сидим на пиру

двумя семьями в полном составе и славим замечательную сеттеришку Вегу – мастера охоты по белым куропаткам. А этот Мастер спит себе под столом, временами подрагивая лапами и принюхиваясь во сне к вожденным куропачьим запахам на своей любимой охоте...

Разбойное нападение

За те несколько лет нашей совместной жизни Вега дала нам возможность множество раз убедиться в своей удивительной сообразительности. И дома, и в городе, и на рыбалке, и в транспорте. Но особенный ум проявлялся у неё на охоте, которую она самозабвенно любила и ждала. Всех приключений, которые нам с ней выпало вкусить, не описать, поэтому остановлюсь только на самых-самых, снова прислушиваясь к тихому нашёптыванию пожелтевших страниц дневника...

Вега в воду не лезет. Категорически!

Следующая наша с Олегом охота происходит 6 октября 1972 года. Свободный от службы день, чудесно совпавший у нас с Олегом, позволяет нам несколько часов побродить в окрестностях города.

Рано утром, перейдя мост через реку Ваенгу, поднимаемся по крутому склону сопки и попадаем в знакомый распадок с мшистым верховым болотцем. Далее путь наш лежит по каменистой тропе в направлении озера Домашнего, во-

круг которого мы заранее спланировали нашу охоту. Однако Судьба в тот день распоряжается по-своему.

В то время бродячие собаки становятся настоящим бичём города. Многие годы никто с ними по-настоящему не борется, целые оравы бездомных собак бродят по улицам в любое время года и суток. Еды им в военном городке вполне хватает. Живя в своём полудиком, параллельном с людьми мире, собаки превращаются в своеобразную породу умных хищников, спаянных совместной борьбой за выживание. Даже окрас их становится одинаков: тёмно-бурых оттенков. Встречаются и почти чёрные особи. И как-то всё идёт до поры до времени спокойно, пока прошлой зимой маленькая девочка, скатываясь на санках со склона городской сопки, не врежется в собачью свадьбу. Страшно искусанную собаками девочку спасти не удаётся... Комендант города распоряжается истребить бродячих собак, а те, будто чувствуя, отступают на окраины, выкапывают себе норы в ближайших сопках, где даже ухитряются выводить потомство. Ночью собаки выходят в город на промысел. Роются на свалках, истребляют крыс, кошек, грызутся с другими стаями таких же бурых хищников. Доходит до того, что люди опасаются выходить в Загородный парк.

И надо же так случиться, что мы внезапно наталкиваемся на стаю этих полудиких зверей, выметнувшихся из-за скал. В стае около десятка буро-чёрных собак. Их ведёт огромный красавец-кобель с чёрными головой и холкой. Они, не изда-

вая ни звука, пытаются окружить Вегу, которая испуганно несётся к нам. Быстро бегать Вега никогда не умела, поэтому собаки споро догоняют её. Когда ей до нас остаётся метров тридцать, а собакам до неё всего десять, мы открываем стрельбу. Картечи у нас нет, поэтому стреляем куропачьей дробью. Успеваем выстрелить только по паре раз: бурые разбойники моментально разворачиваются и бросаются наутёк. Так же молча. Видно, что две-три собаки легко задеты дробью, однако, не снижая скорости, все уносятся прочь. Вега жмётся к нашим ногам, её слегка потряхивает от испуга. Хочется перекурить это дело, но мысль о повторном нападении заставляет нас быстрее убраться. Какое-то время Вега идёт рядом, однако охотничий азарт пересиливает страхи, и наша умелица снова удаляется вперёд в поисках куропаток.

Куропач и заяц

Спустившись с сопок к озеру Окольному, расходимся и идём параллельными курсами по зарослям карликовой берёзки и ивы. До сих пор снега нет, что странновато для наших северных краёв. Земля пока мягкая – передвигаемся почти бесшумно. Внезапно впереди по нашему курсу с криком и хлопаньем крыльев взлетает куропач. Шумовая птица, пролетев метров сто пятьдесят, садится в берёзовый островок. Заходим с двух сторон. В месте посадки птицы не обнаруживаем – убежала. Вега, фыркающая носом, активно разбирается в следах, удаляясь ближе к берегу озера. Олегу кажется, что собака «врёт», он считает, что куропач должен убежать вверх по склону, а не вниз, и решительно удаляется в выбранном направлении. Мысленно я с ним соглашаюсь, но собаке-то надо верить, поэтому иду за Вегой. Метров через шестьдесят вижу на самом берегу озера застывшую на стойке собаку и убегающего из-под самой её морды куропача, готовящегося взлететь. От меня он метрах в сорока. Верный выстрел, но не стрелять же бегущего! Подхожу, каждую секунду ожидая взлёта. Однако он взлетает, лишь удалившись от Веги метров на двадцать пять. Выстрелом из правого ствола я его и укладываю на взлёте. Старый куропач, большой и красивый. Тянет на килограмм. По кирпично-бурой шее и голове птицы светлыми звёздочками тут и там рассыпаны

белоснежные пёрышки. Бровь широкая, карминовая. Брюшко, бока и маховые перья поражают удивительной белизной. Зоб плотно набит черенками черники и остатками ягод.

Озеро Домашнее. Видно устье реки Средней и остров

Слышу вверху на сопке дуплет Олега, а потом ещё выстрел. Неужели снова бурые зверюги?! Скорее к нему. Вот и сам Олег, спускающийся с сопки навстречу. В руках у него пара куропаток. Оказывается, эти птицы взлетают после моего выстрела довольно далеко от Олега, но он всё же дупле-

тит, уверенно сбивая одну, а другую легко подранивая. Третьим выстрелом добирает подранка. Взятые им птицы молодые, этого года. Вот удача! И ведь совсем неподалёку от города!

Около 12 часов. Стоим на голой вершине сопки между озерами Окольным и Домашним. Озеро Домашнее видно всё, как на ладони. Красивое озеро с небольшим островом ближе к северо-восточному берегу. Перекуриваем, любуясь северным пейзажем. Заодно обговариваем, каким путём будем спускаться. Можно, конечно, вернуться и пойти вдоль ручья, вытекающего из Окольного к Домашнему, но нам интереснее идти выше – по склонам сопки. Вега сидит, наблюдая окрестности и прислушиваясь к нашим голосам. Наверняка что-то понимает!

Выбрав путь, осторожно спускаемся вдоль каменистого русла крошечного ручейка. Ручеёк, трудной и долгой работой пробивший себе дорогу в камнях, сильно виляет, заставляя нас делать лишние шаги. Срезаем изгибы, как можем. На одном из «срезов» преодолеваем небольшую скалистую возвышенность, на самой вершинке которой виднеется большой и густой куст сросшихся вместе ивняка и карликовых берёзок. Пробежав было мимо куста, Вега резко тормозит: запах дичи разворачивает её голову к кусту. Собака на несколько секунд замирает, затем делает несколько напряжённых мелких шажков. Мы с Олегом осторожно обходим куст, он слева, я справа. Вдруг слышится треск сучьев, возглас Олега...

и тут же передо мной, в 10 – 12 метрах мелькает серый клубок. Заяц! Стрелять приходится почти навскидку. Мой выстрел сливается с выстрелом Олега. Заяц кувыркается через голову и затихает. Пока подходит Олег, рассматриваю добычу. Зверёк небольшой, сеголеток, тянет от силы на два с половиной килограмма. Линять ещё и не начинал. Перекуривая, обсуждаем очередное приключение. В том, как прекрасно сработала заяца Вега, сомнений нет. А вот кто же из нас попал в зверька, непонятно. И у нас возникает небольшой спор. Каждый уверен, что именно он поразил цель. Конечно, это может быть и совместная удача. В конце концов, решаем выяснение оставить «на потом». Когда будем снимать шкуру, всё и прояснится: Олег стрелял четвёркой, а я – двойкой. Вот и посмотрим дробины.

Обход Домашнего ничего к добытым ранее трофеям не добавляет. Дважды перебредя реку Среднюю, устало топаем домой. Вега тоже умоталась за день, тащится сзади, «чистя шпоры»... Подходя к городу, видим на скалах сидящих бурых собак, внимательно наблюдающих за нами. Вега улавливает их запах и жмётся поближе к нам. Напасть снова разбойники не решаются...

Дома мы с Олегом ошкуриваем зайца и выясняем номер дроби. В голову и спину зверьку попала дробь № 2, а в «корму» – № 4. И мы весело решаем, что трофей общий, то есть, взят тремя (!) страстными охотниками!

Опасная переправа

Начало сентября 1973 года. С первого числа разрешена охота, однако обложные дожди не дают выбраться в любимые сопки. Наконец дожди затихают, и утром 7 сентября, ещё в полной темноте, мы втроем трясёмся в кузове попутного грузовика в сторону Североморска-3. Третьим сегодня с нами мичман и страстный рыбак Владимир Константинович Князев по прозвищу Старый. Почему Старый? Потому, что старше нас всех в в/ч, а меня – ровно на двадцать лет. На Севере давно, хорошо знает уловистые водоёмы. Это по его предложению мы пойдём к озёрам, где Старый ловил когда-то приличных голец. Ну, а нам с Вегой всё равно, где охотиться на белых куропаток.

Высаживаемся на остановке у сопки Пупок. Это место замечательно тем, что можно довольно просто перебраться реку Большую Среднюю по сравнительно мелкому перекату. Однако теперь, стоя на берегу и наблюдая бешеное течение вспученной воды, нам что-то не хочется рисковать, тем более, что придётся тащить Вегу на плечах. Решаем переправиться чуть выше, там, где река распадается на несколько потоков, умеряя своё бешеное течение среди каменистых островков.

Река Средняя на 14-м километре от города. Место нашей переправы

В связи с предстоящей ночёвкой нагружены мы солидно: тёплые куртки, плащ-палатки, запасное бельё, еда для всей нашей троицы, посуда, у Старого спиннинг и разобранное удилище в чехле, всякие коробочки с наживками и рыболовными причиндалами, кусок брезента для навеса от дождя; у меня ружьё и патроны, спиннинг и запасные блёсны, топор, а ещё – в отдельном чехле – совершенно новый фотоаппарат «Зенит-Е», приобретённый в Питере с превеликими трудностями. Килограммов двадцать тянет рюкзачище, да и у Старого не меньше. Сегодня я взял с собой любимую двадцатку

«Зауэр»: предстоит дальний путь, а двадцатка и патроны к ней ощутимо легче, чем ИЖ-26Е.

Подходим к островкам и видим, что и тут вода ревет между камнями. Боковые потоки преодолеваем удачно, но остаётся главная проблема: перебраться через главное русло, пенящееся круговертью между двумя скалистыми островками. Расстояние между ними всего-то метров пять, но ни перейти, ни перепрыгнуть нет никакой возможности. Глаза сканируют окружающую обстановку в поисках решения. Замечаем лежащее в камнях у берега длинное бревно, которому грибки или рыбаки пытались придать форму бруса, хотели приспособить для переправы, да, похоже, не вышло у них ничего из этой затеи. Остались на дереве только следы туповатого топора. И ведь тащили же от самой дороги, вот трудяги! Решаем доделать их работу. Сначала острым топором с двух сторон бревна откалываем щепки, превращая его в нечто похожее на длинную плаху. Потом около часа бьёмся с мокрым тяжёлым деревом, проводя его над потоком, и всё-таки завершаем успешно: бревно перекинуто и надёжно закреплено в трещинах скал. Теперь предстоит переправляться.

Первым этот маленький подвиг делает Старый. Он не рискует идти с рюкзаком по скользковатому бревну, поэтому садится на него и ползёт, помогая себе руками, переставляя рюкзак перед собой. Сложный трюк с висящими над бешеным потоком ногами. Благополучно перебравшись, Старый

закуривает «беломорину» и хитро щурится в мою сторону. Используя его практику, я переправляюсь точно так же. Теперь Вега.

Минут десять уговариваю собаку шагнуть на бревно. Вега осторожно пробует передней лапкой скользкую поверхность, отдёргивает, потом снова пробует... Наконец обречённо всходит на бревно и медленно идёт по нему... Вот половина пути пройдена... Когда остаётся метра полтора, задние лапы соскальзывают. Вега, испуганно тараща глаза, сползает с бревна и повисает на брюхе, удерживаясь какие-то секунды только передними лапами. Не думая об опасности соскользнуть в поток, я бросаюсь к ней на выручку, делая два торопливых шага по бревну, хватаю собаку за шкуру и рывком выволакиваю наверх. Как мы с ней не валимся в поток, не знаю. Наверное, опять Собачьи Боги помогают! Побледневший Старый суетливо переминается на камнях – замечаю мокрый окурок потухшей папиросы, прилипший к его нижней губе...

Вроде бы переправились благополучно, но не тут-то было! Взвалив на себя поклажу, продолжаем путь. Чтобы добраться до нормального берега, надо ещё обойти по каменным взгоркам несколько луж. Обходя последнее препятствие в виде каменистой ямины со сверкающей на трёхметровой глубине водой, я не удерживаюсь на подрагивающих от совершённых усилий ногах, какие-то мгновения ещё стараюсь удержаться наверху, но рюкзак перевешивает, и... я срыва-

юсь спиной вниз в эту самую ямину... Последнее, что успеваю сделать, это отбросить в сторону чехол с ружьём и разобраным спиннингом и согнуть шею, подтянув голову к груди. Мой полёт происходит быстро... и вот я уже лежу в неглубокой луже, спиной на рюкзаке, который полностью в воде, мои ноги в вертикальном состоянии на каменной стене ямы. Смотрю вверх и вижу лицо Старого, испуганно заглядывающего в моё временное пристанище. Мне очередной раз везёт: на дне ямы нет острых камней, а лужа неглубока, иначе я бы так просто не отделался. «Живбля?» - срывающимся голосом лепечет Старый. Отвечаю: «*Да хрен его знает, сейчас разберусь да попробую выбраться*».

Освободиться от рюкзака мне удаётся только с помощью ножа, висящего в чехле на поясе. Перерезав левую лямку, выползаю из второй и встаю на четвереньки, окончательно утопив рюкзак. А ведь в нём патроны и новый фотоаппарат. Кое-как встаю, поднимаю потяжелевший от воды рюкзак и вижу конец верёвки, сползающий ко мне по каменистой стенке ямы. Всё-таки, какой же запасливый Старина! Сначала верный дружище вытаскивает рюкзак, извергающий из себя потоки воды, потом приходит моя очередь. Верёвка оказывается не нужной: выбираюсь самостоятельно.

Как только добираемся до подходящего места, раскидываем временный лагерь, разводим костёр и развешиваем содержимое рюкзака над огнём. Старый предлагает раздеваться и сушить одежду, но что там сушить – у меня даже пор-

тянки сухие! Патронташ с патронами в счастливый час сборов я удачно завернул в полиэтилен, думая о перспективе возможного дождя, продукты тоже в непромокаемых пакетах, всё остальное высохнет. Но вот новый фотоаппарат уже не новый, промок основательно. Заряженная плёнка испортилась, даже в объективе вода. Разбираю, насколько возможно, фотоаппарат, раскладываю на просушку поближе к жару костра. Съёмка на сегодня закончена, не начавшись – запасной плёнки нет.

Пьём чай, обсуждаем приключение, связываем разрезанную лямку рюкзака. Старый, покопавшись в памяти, дружески наставляет меня вологодской поговоркой: *«Если яма – стой прямо! И помни – крыл нет!»* Занятые своими делами, только тут замечаем необычное поведение Веги. Она лежит в сторонке, к «столу» не подходит, даже не смотрит в нашу сторону, всем своим видом демонстрируя обиду. На что же? Неужели на то, как я её вытащил за шкирятник?! Да ещё прилюдно, на глазах у Старого! Но ведь я её спас! Она могла свалиться на камни, сломать себе что-нибудь...

Собачья обида продолжается долго. Когда мы заканчиваем сушку вещей и уходим, Вега бежит со стороны Старого, как бы не замечая меня. *«Ну и сука! А пусть! Не буду обращать на неё внимания»*, – решаю я, и тут же меня пронзает мысль, что я размышляю о собаке как о человеке... вот так да!

Старый удивлён

На Севере множество озёр с названиями рыб. Есть Окунёвые, Сиговые, Хариусные, Гольцовые... Но особенно много Щучьих. Вот к такому Щучьему озеру мы и держим путь после переправы. До него совсем недалеко, не более километра. Обходим стороной крутой поворот бурлящей Средней, переходим кудрявый перешеек и – вот оно, Щучье озеро. Небольшое, вытянутое с севера на юг, довольно мелкое, с торчащими тут и там камнями, оно изобилует щуками и... только щуками. И это немного странно, потому что из Щучьего озера вытекает приличный ручей, впадающий в Среднюю. Кстати, у реки Средней есть и ещё одно название – Щучья. Прошедшим летом мы с Таней и детьми несколько раз выбирались на озеро с ночёвкой, порыбачить и за грибами. Пару раз проделывали это совместно с семейством Осиповых. Для ночёвки с детьми на восточном берегу озера – там, где повыше – мы с Олегом построили из веток и мха очень приличный шалаш, вернее – хижину, укрывающую от дождя и ветра. Хижина оказалась настолько хороша, что мы пользовались ею всё время, пока длилась моя служба на Севере.

Ночёвка в одном из многочисленных шалашей. Татьяна, семья друзей Осиповых. Слева спит Вега

Вообще, что касается наших двойняшек, то мы с Татьяной очень рано приучили их к нахождению на Природе, к трудностям переходов, кострам и ночёвкам. Поскольку зима на Кольском длинная, на лыжи поставили детей лет с трёх. А года в четыре они уже спокойно могли пройти по лыжне до Загородного парка и обратно. В полудикий в то время Загородный парк мы ходили очень часто, в любое время года. С детьми и друзьями. Особенно любили посещать парк ранней весной, как только начинало ощущаться весеннее движение Природы. Разводили костерок, пили чай, иногда варганили

уху из трески или морского окуня, варили картошку или кашу. И везде сопровождала нас Вега, заботливо охраняя ребяташек от всяческих случайностей.

Обходим озеро с северной части, работая спиннингами. Ружьё я пока не расчехляю. Вега, по-прежнему дуясь, неторопливо обнюхивает окрестности. С третьего заброса, как бы подтверждая название озера, вылавливаю небольшую щучку, с килограмм. У Старого засекается что-то поприличнее, но сходит. И всё! Старого тянет к гольцовым озёрам: *«Какого хрена! Мы что, за щуками сюда пришли? Пошли дальше!»* Разбираю спиннинг, собираю и заряжаю ружьё. До свиданья, Щучье озеро!

Полдень. Солнечно и довольно тепло, небо чистое, ни облачка. Идём на восток-северо-восток по широкому болотистому распадку между небольших сопочек. Лёгкий встречный ветерок порывами лохматит веточки чахлых кустиков ивняка. Сапоги чавкают по пропитанному дождями мху.

Впереди, на буро-жёлтом фоне распадка, темнеет густой и низкий берёзовый куст. Вега, резко изменив направление поиска, тянет к кусту и уверенно стаёт метрах в пяти от него. Старый, ещё ни разу не видя работы легавой собаки, удивлённо спрашивает: *«Что это с Вегой?»* Жестом прошу его помолчать, снимаю рюкзак и осторожно подхожу к собаке, стараясь немного обойти куст. После команды *«Вперёд!»* Вега суётся мордой в ветки, и – я просто обалдеваю! – из куста плотной стаей вырывается куропачий выводок птиц в пят-

надцать! Птицы летят так тесно, что кажутся единым организмом. Промахнуться невозможно – вышибаю из стаи двух куропаток. Почему не стреляю из второго ствола, не знаю. Наверное, от общего обалдения. Удивлённый Старый долго «обсасывает» приключение: восхищается чутьём собаки, метким выстрелом, внезапным появлением такого количества птиц...

Часа через полтора решаем пообедать. Ощипываю и варю в котелке одну из куропаток, однако Старый, попробовав, есть отказывается: не привык к черничному запаху, пропитавшему осеннюю птицу. Делю куропатку с Вегой, которая после удачной работы и стрельбы наконец-то прощает моё грубое поведение с заслуженным Мастером охоты по белым куропаткам. Вот ведь обормотина!

Мокрая ночёвка

К вечеру погода портится: небо покрывается облаками, в распадках зарождается туманная хмарь, сгущается, наползает на сопки, мелкая и противная морось превращается в «долгожданный» дождь, скоро перешедший в проливной. Натягиваем плащи и продолжаем движение. Мокрая Вега плетётся за нами, поминутно отряхиваясь. Идём так около часа, пока не осознаём, что надо останавливаться на ночёвку.

Вега прекрасно себя чувствует в каменистых сопках

Подходим к устью ручейка, впадающего в небольшое озеро с каменистыми берегами, поросшими берёзовыми перелесками. Старый внимательно присматривается и узнаёт место: *«Ни хрена себе! Да это же Верхнее Гольцовое. Всё, пришли!»* Всё-таки молодец Старый, вовремя вывел точно в нужное место!

Главное сейчас – костёр! Пока я с трудом ищу более-менее сухие ветки, Старый – этот повернутый на гольцах рыболов-любитель – собирает удочку со скользящим поплавком, наживляет пару разноцветных мормышек опарышем и червячком, и забрасывает далеко в озеро, надёжно закрепив удилище в береговых камнях. Потом закуривает и начинает ждать поклёвок. А дождь всё хлещет, образуя на поверхности озера настоящую суматоху дождевых капель. Какой сумасшедший голец клюнет в такую погоду?! Сильно сомневаюсь в успехах Старого, продолжаю обустройство лагеря.

Что может быть лучше ночного костра после целого дня непрерывных приключений? И как всё-таки хорошо, что на Севере произрастает такое дерево, как берёза, которая может гореть даже в мокром состоянии. Накладываю кучу сырых прутьев на разгоревшиеся сухие стволы можжевельников, и... долгожданный костёр начинает дарить нам своё тепло. Вега умело забивается под куст, выросший между

камнями, где собаку почти не достаёт дождь, и тут же засыпает. Натягиваю кусок брезента на косо забитых кольях, так, чтобы жар от костра шёл под навес, перетаскиваю вещи, и... обнаруживаю под навесом перебравшуюся туда Вегу. И когда только успела?! Подвешиваю над костром котелок для ухи – хорошо, что догадался взять крышку – достаю из рюкзака щуку и топаю к ручью чистить. Пока чищу рыбину, приходится несколько раз подходить к костру, подкладывая быстро сгорающие ветки. Вернувшись к ручью после одного из таких подходов, обнаруживаю исчезновение самого большого куса щуки, можно сказать – половины рыбины. Неужели какой-то зверь утащил? Но не может этого быть: мы же сильно шумим! После бесполезных поисков соображаю, что полрыбины мог утащить только один «зверь» – ручей! Так и есть: нахожу «сбежавший» кусок щуки метрах в пяти ниже, почти в устье. Ещё бы немного, и уплыла бы добыча.

Заложив куски щуки в котелок, подхожу к Старому, фигура которого изображает рыбацкую безнадёжность. *«К х...м! Ни одной поклёвки!»* - выпаливает он, даже не повернувшись в мою сторону, продолжая следить за поплавком, почти незаметным в дождевой круговерти. Зову его на ужин. Продолжая с надеждой смотреть на поплавок, Старый спиной вперёд отступает к костру.

Не очень я большой любитель ухи из форели, гольцов или сёмги: чересчур она сладковата. То ли дело крепкая уха из окуней! Однако сегодня у нас уха из щуки, что тоже непло-

хо. После ухи – гречневая каша с флотской тушёнкой. Кашу делим на троих. Вега, наевшись мясной каши, старается вытянуть лапы поближе к костру. Греется. Старый, наблюдая за собакой, щурится от кострового дымка и как-то по-доброму высказывается: *«Люблю греться, да как бы не обжечься»*. Сколько же в нём поговорок! Прямо кладёзь народной премудрости! После таких словесов прощаю ему все выверты крепкого флотского жаргона. Однако, о чём это я? Ведь и сам-то частенько употребляю... От нашей одежды идёт пар. По натянутому брезенту непрерывно стучат капли дождя. Пьём крепчайший индийский чай «со слониками», потом расслаблено закуриваем... хорошо! Вот только одно слегка напрягает – приходится по очереди вставать и подбрасывать сучья и ветки в костёр. Старый пару раз безрезультатно навещает удочку.

Под шум дождя Старый рассказывает о своей семье, о военной службе на Севере, но о том, как воевал, не говорит. А я и не надеюсь что-либо услышать про войну: не любят фронтовики рассказывать об этом тяжёлом времени. Знаю это по опыту общения и с отцом, и с тестем. Потихоньку разговор переходит на моих родственников: на отца, мать, Татьяну, детей. Каким-то удивительным способом Старый заставляет меня раскрыть перед ним свою душу, рассказать о самом сокровенном – своём чувстве к жене... В конце излагаю свои законы семейной жизни, так, как их понимаю я, по уши влюблённый в жену молодой человек: *«Во-первых: му-*

эжик ищет, находит правильную женщину и завоёвывает её любовь. Во-вторых: долгие годы дорожит её доверием, постоянно доказывая ей, что именно он – самый лучший человек на свете». Ясно вижу, что Старый готов высказать сомнение, но, из уважения ко мне, удерживается. Только произносит задумчиво: *«Как-то это односторонне у тебя получается...».* И на эту тему всё. Потом Старый спрашивает о брате. Снова отвечаю откровенно, сбивчиво объясняя наши разногласия. Старый долго раздумывает над моими словами, кое-что уточняет, а потом итожит, как отрезает: *«Из одной печи – да разны калачи».* Разговор затухает...

Часа через два, когда нас потихоньку одолевает дрема, дождь ощутимо слабеет. Шум бегущей в ручье воды, доносящийся снизу, из его устья, притихает. По мере прекращения дождя звуки ручья перемещаются вверх, против течения, и вот ручей уже звенит значительно выше нас, на склоне сопки. Что-то происходит в природе, и, похоже, к лучшему. Часам к трём дождь совершенно прекращается, и мы засыпаем под музыкальный звон ручья...

Изумительное чутьё

Будят меня крики куропачей с соседних сопок. Такое впечатление, что птицы везде, и их полно! У едва тлеющего костра я совсем один. Вижу, как Старый, разгоняя утренний туман, привычно машет удилищем. Вега сидит рядом, внимательно наблюдая за его действиями. Туман трусливо рассеивается, в панике оставляя по распадкам свои арьергарды, и над нами распахивается совершенно чистое голубое небо. Надо вставать!

Наутро, после мокрой ночёвки. Дружище Старый и справа – Вега, как всегда голодная

Утренний чай греть некогда. Беру ружьё, проверяю патроны – сухие ли, кидаю в пустой рюкзак спиннинг – вдруг сбитая куропатка упадёт в воду, подхожу к Старому. Довольный дружище поворачивает ко мне радостное лицо и шепчет, непроизвольно рифмуя: *«Голец начал брать, твою м...! Клюёт непрерывно!»* И правда: рядом со Старым бьются только что пойманные красавцы гольцы числом аж три рыбины! Удивительно ровные, каждый весом с полкило. Упорство Старого вознаграждается по заслугам. Сообщив другу о своих планах исследовать окружающие сопки, свищу Вегу, и мы тихо отваливаем от удачливого рыболова.

Идём по склонам сопок вокруг озера, тщательно обыскивая и береговые заросли, и голые каменистые вершины. В распадах ветра совсем нет, только наверху ощущается лёгкое дуновение ветерка, долетающее с северо-востока. Так продолжается с полчаса.

Смотрю на часы: стрелки показывают 8.55. Взобравшись на округлую вершину очередной сопки, замечаю необычное поведение собаки. Вега старается выбрать самое высокое место, привстаёт на задние лапы, даже вспрыгивает для этого на камень. При этом старательно внюхивается в струйки запахов, приносимых слабым ветерком. Меня прошибает

мысль: *«Неужели чуёт куропаток с соседней сопки? Но ведь до неё метров двести! Как это возможно?!»* Переходим распадок, поднимаемся по склону на плосковатую вершину, поросшую невысоким березняком. Вега активно ищет. Вижу, как она настороженно тянет между кустами, и тут же дружно взрывается выводок, около десятка птиц. Накрыв стволами ближайшую птицу, стреляю. Куропатка валится в березняк, но совершенно ясно, что это лёгкий подранок. Собака уверенно находит подранка по его следу метрах в семидесяти от места падения.

Убираю куропатку в рюкзак и не могу отделаться от назойливой мысли об удивительной дальности причувствования Вегой куропачьего выводка. Надо бы замерить, но как это сделать? Шагами? Однако, по прямой в нашей местности не пройти: надо обходить всякие препятствия. И тут выплывают из памяти слова одного из героев книги Алексея Ливеровского: *«...мы моряки – всё нам пустяки!»* Моментально приходит решение: оставить поиски удравшего выводка, вернуться назад на ту сопку, где Вега стояла на задних лапах, уловив струйку запаха, и, разматывая спиннинговую леску, длина которой на катушке мне точно известна, осуществить замер. Около часа болтаемся между сопок, разматывая, отмеряя, сматывая и снова разматывая. Вега, окончательно сбита с толку, озабоченно посматривает на меня: *«Ты в своём уме, партнёр?! Надо же идти дальше, искать запахи куропаток, стрелять»*... Замер и грубое применение теоремы

Пифагора даёт потрясающий результат: *Вега причувивает вы-
водок куропаток на дистанции 180 метров!*

Очень довольный, возвращаюсь в лагерь. Старый возится у костра, готовя завтрак. Спешу поделиться с ним результатами измерения. Дружище, конечно же, удивляется, но при этом как-то ещё и хитровато смотрит, как будто тоже хочет чем-то удивить. Зовёт на берег, где демонстрирует пойманную рыбу. Да! Повеселился Старый от души! Больше двадцати красавцев гольцов посверкивают во мху между камнями. В этой груде серебристых рыб золотисто выделяется крапчатый бок приличной кумжи, пойманной Старым на спиннинг, на тяжёлую самодельную красно-медную колебалку. А мне и сфотографировать-то нечем...

Показательная стрельба

Довольные результатами похода, размягчённо сидим у костра, завтракаем, долго пьём крепкий чай, потом сладко закуриваем, неторопливо беседуя о нашей чудесной вылазке. Тогда мы ещё и не знаем, что чудеса-то не закончились!

После удачного дуплета из-под Веги

Старый рассказывает об этом месте, о ручьях и озёрах. И как-то так у него получается, что место это – совсем не простое: несколько Гольцовых озёр соединяются ручьями – протоками вкруговую, а из нашего, где мы заночевали, вытекают два ручья, стремящиеся аж к двум разным рекам. Один ручеек бежит на запад, к реке Средней, которую мы преодолевали, а другой ручей – к системе реки Большой Тювы, на север. Поэтому эти озёра – дважды верхние, и рыбы здесь много!

Хорошо посидев и всласть побеседовав, укладываемся, тщательно заливаем костёр, пока не убеждаемся, что угли больше не разгорятся. И снова Старый находит поговорку: «Уходя, затушил уголёк – лес сберёг!» Прибираем место ночёвки, очищая от бумажных обрывков, пустых консервных банок... прячем всё это под камнем. Снимаем с нескольких валунов пласты мха и прикрываем кострище. Вот теперь никто не заметит, где мы ночевали. Это закон!

Полдень. Начинаем движение к дому. Минуем памятный распадок, где я счастливо выбил из стаи двух птиц, подходим к низкой кудрявой сопочке. Стараемся, сохраняя высоту, обойти её по склону. Наблюдаем оживлённое поведение Веги: хвост работает вертолётным винтом, а нос ходит туда-сюда. Минуем небольшие кустики березняка, и тут, перед небольшим открытым болотцем, собака чётко стаёт. Сдёр-

гиваю рюкзак, слыша комментарий Старого: «*Нубля, сейчас стрельба пойдёт!*» Дружище оказывается прав, стрельба как в тире: шесть выстрелов – шесть птиц. И всё это минуты за три, не больше. Все куропатки взлетают как по заказу, строго по очереди, почти из-под ног, в угон. Последнюю птицу стреляю с одной руки, так как в левой руке несу пару куропаток. Старый только восторженно крикает после каждого выстрела. Зрелище для него, я думаю, удивительное! Собака работает прекрасно, сделав три чётких стойки и согнав ещё трёх на потяжках. Потом, тщательно обыскав ближайшую местность, подходит к нам, докладывая, что птиц больше не наблюдается. Укладываю куропаток в рюкзак, перекуриваем и идём дальше.

Минут через десять, внимательно вглядываясь в каждый куст впереди, так как в эту сторону улетаёт несколько шумовых куропаток, замечаю птицу, замершую под низким можжевельником. Тут же и Вега чётко стаёт по ней. Картина очень эффектная, фотоснимок был бы удивительный... С треском и криком взлетев, куропач летит над нашими головами. Развернувшись, стреляю высоко-угонного. Вега, улыбаясь, усаживается рядом с чисто битым куропачом, который оказывается последней птицей, взятой на этой охоте. Старый, удовлетворённо закуривая, комментирует: «*У хорошего стрелка не дрожит рука!*»

Всю обратную дорогу обсуждаем приключения, выпавшие на нашу долю в этот раз. И вот что удивительно: как

будто и не было трудностей переправы, опасного падения, проливного дождя, мокрой ночёвки, тяжёлых рюкзаков... вспоминается только хорошее: удачные поклёвки, меткие выстрелы, замечательная работа Мастера Веги, про которую Старый тоже находит что сказать: *«Если тонок нюх и глаз, то разыщет птицу враз!»* Ну, скажите, в каких тайниках своей памяти отыскал он эту поговорку? Или сам придумал только что?

Переправляемся через Среднюю в другом месте, благополучно. Ожидая попутку или рейсовый автобус, вручаю Старому несколько куропаток – дружище отдаривается гольцами.

Через несколько дней, встретившись в курилке, Старый рассказывает, как его жена зажарила куропаток, перед этим вымочив их в воде для уничтожения сладковатого черничного вкуса, и что ему жареные птицы очень понравились. И мы снова вспоминаем наши приключения, обсуждая следующие походы.

Гусь-гуменник и стрельба без штанов

На охоте всяко бывает. Об этом знает каждый охотник. Случаются и курьёзы, которые вспоминаются потом всю жизнь. А может быть, именно из-за этих случаев и привлекает нас охота и рыбалка, грибы и ягоды, костры и тропы...

...

Конец сентября 1973 года. Снова лесотундра вокруг горы Верблюды, но теперь в напарниках не Олег, и не Старый, а Слава Л., начинающий охотник и мой начальник. Человек он спортивный, идти с ним по бездорожью легко. Некоторая закрытость его характера меня не смущает... привык. В разговорах с незнакомыми людьми или с начальством Слава будто задраивает все люки в свою душу, оставляя снаружи только глаза-локаторы.

К полудню, взяв из-под блестяще работающей Веги около десятка куропаток, решаем остановиться, отдохнуть и перекусить. Выбираем живописное местечко. Склон сопки покрыт белым ягелем, наползающим толстым слоем на камни. Внизу слышится журчание ручейка. Маленький костерок быстро дарит нам крепкий чай. Жуём бутерброды, не забывая и про Вегу, и любуемся окружающим миром. Хорошо!

Перекусив, продолжаем охоту, потихоньку направляясь в сторону шоссе с автобусом. Решаем не обходить двуглавую сопку Верблюды вокруг, а впервые подняться на перевал меж-

ду сопок. Обнаруживаем на перевале маленькое кругловатое озерцо, метров двести диаметром. Один берег озера каменистый, другой – болотистый. Обходим по каменистому, стараясь идти повыше. Обойдя озеро, поднимаемся на самую высокую точку перевала. Останавливаемся чуть передохнуть, и тут слышим далёкий говор гусей. А вот и они! Небольшой косяк, птиц в десять, летит своей воздушной тропой. И высоко, и мимо... На всякий случай мы прячемся среди камней. Подзываю Вегу и укладываю рядом. Вдруг гуси (о, Охотничье Счастье!) поворачивают прямо на нас и снижаются ниже, метров до восьмидесяти. Все наши патроны заряжены четвёркой; у меня находится единственный (!) патрон с двойкой, которым я и заряжаю левый чоковый ствол. А косяк подлетает уже почти вплотную, снижаясь до пятидесяти метров. Конечно, это нам только кажется, что гуси снижаются: они просто летят себе через перевал на одной и той же высоте. Очевидно, двугорбый Верблюд служит для них привычным ориентиром во время кочёвки. Когда крупные гуменники оказываются почти над головой, мы свистим и орём в два голоса. Гуси, испугавшись, гогочут и сбиваются в кучу, как бы остановившись в воздухе. В этот момент и звучат наши дуплеты. Птицы, продолжая заполошно гоготать, окончательно теряют строй и, часто махая крыльями, летят над озером, набирая высоту. С надеждой следя за улетающими птицами, видим, как один гусь сначала тяжело снижается, потом выравнивается и улетает вместе с товарищами. Другой, как-

то неестественно махая левым крылом, начинает всё больше и больше отставать от других птиц. Замечаем, что самый кончик его крыла вывернут: дробина надломила кость. Над дальним берегом озера крыло окончательно ломается, и гусь шлёпается в воду. Слава печалится о загубленной зря птице, а я успокаиваю его, объясняя, что подранки гусей и уток обязательно вылезают на сушу, если их, конечно же, какое-то время не беспокоить. До гуся далеко, и нам не видно, что он делает. Решаем с полчаса подождать, а потом обойти озеро вокруг. Надежда есть, ведь с нами Мастер Вега!

Перекуривая, с трудом выдерживаем полчаса. Оставив рюкзаки на приметном камне, налегке подходим к берегу. На зеркале воды птицы нет, это точно: небольшое озеро просматривается хорошо. Начинаем поиск с заболоченного берега. Вега ищет впереди. Минуем болотистый участок и топчем по каменистой тверди. Вдруг собачка, довольно спокойно труся по самой кромке, где нет больших камней и ей легче идти, начинает суетиться, обнюхивая береговую гальку, а потом, держа нос у самой земли, ка-а-ак рванёт от озера вверх по склону! Метрах в тридцати от воды, среди груды камней, умница Вега находит подранка. Вот это работа! Доставшийся нам гусь-гуменник – птица молодая, но очень жирная, тянет килограмма на четыре. Без собаки мы бы, конечно же, ни за что не нашли наш прекрасный трофей.

Довольные удачей, мы возвращаемся к рюкзакам, потом неспешно двигаем к дороге. У самого брода через речку си-

стемы озёр Лупбол приостанавливаемся на последний перекур. Слава остаётся у рюкзаков, Вега что-то ищет в береговых кустах, а я удаляюсь в кустики облегчиться. Что уж там говорить – настал момент такой! Приставляю ружьё к тонкой берёзке и присаживаюсь со спущенными одёжками так, чтобы Слава меня не видел. Сажу себе, никому не мешаю, одновременно отмечая, что Вега-то застыла на стойке!.. Продолжая сидеть, свищу Славе, чтобы он подошёл к собаке, но тот не обращает внимания, увлечшись какими-то думами. А Вега, услышав мой свист и решив, что я подаю ей команду, делает шаг в кусты, откуда с треском и криком «взрывается» выводок куропаток, и несколько птиц шпарят прямо на меня! Продолжая сидеть со спущенными штанами, хватаю ружьё и успеваю стрельнуть по одной из налетающих птиц. Развернуться и стрелять в угон, сами понимаете, у меня получиться не может... Сбитая куропатка шлёпается к моим ногам. Королевский выстрел! Я спокойно приставляю ружьё к той же берёзке и... уверенно заканчиваю своё неотложное дело...

...

Через пару дней сидим у нас дома вместе с семьёй Славы Л., вкушаем жирного осеннего гуся с яблоками, отменно приготовленного Татьяной, вспоминаем работу Веги и весело хохочем, потешаясь над моей молодецкой стрельбой без штанов.

Кстати, когда дружище Олег Осипов узнаёт о нашей за-

мечательной охоте, то обзывает мою стрельбу очень заковыристо: *«Способ стрельбы из положения полного приседа с отягчающими обстоятельствами»*. Во как!

Прыжок

В конце октября того же 1973 года я с Вегой выбираюсь на денёк поохотиться вокруг Домашнего озера. Наше удивительное приключение с прыжком под водопад, едва не закончившееся трагически, подробно описано в книге «Собачья душа», изданной в 2011 году питерским издательством «Нестор-История», а также опубликовано в книге «Военно-морские, охотничьи и рыбацкие истории», изданной в электронном формате в издательстве ЛитРес в феврале 2020 года, поэтому повторять нет надобности. Напоминаю читателю об этом факте только для сохранения хронологии событий тех далёких и таких дорогих для меня и всей нашей семьи лет.

Ещё один шалаш для ночёвки. И везде банки с тушёной зарыты в схронах. Слева позирует Вега

В 1974 году меня отправляют в отпуск в середине апреля. Это не так уж и плохо: в 1972 году отпуск был вообще зимой, в феврале. Покупая билеты на поезд «Мурманск – Ленинград» и учитывая, что нас – людей – четверо, да ещё и немаленькая Вега, решаем взять целое купе.

Приключение в вагоне

Едем. Ребятишки и Таня сладко спят, устав от сборов и переезда до Мурманского вокзала, Вега, совершенно спокойно чувствуя себя в вагоне – похоже, ей не впервой – сопит под столом, а я сижу у окна. За окном стелется лесотундра Кольского полуострова: засыпанные снегом обширные болота, невысокие перелески. Преобладают два цвета: основной белый, а по нему – вкрапления чёрного. Как окрас сеттера-лаверака. Много заячьих и лисьих следов. Иногда синее глубокая колея лосиного следа. Глаза привычно отмечают куропачьи наброды. В одном месте, неподалёку от Ловозера, вижу охотника, выходящего из лесистого распадка между сопок. Он на лыжах. С ним пушистая западно-сибирская лайка. За плечами у охотника ружьё и котомка. К котомке привешен здоровенный глухарище. Эх! Вот молодец! И собака тоже, конечно. Работница!.. Поезд, стуча на стыках, оставляет удачливую пару позади. Смотрю на них, прижимаясь лицом к стеклу, пока возможно...

Наконец население нашего купе просыпается и требует завтрака. Таня ведёт ребят умываться, Вега приветственно стучит хвостом по полу. Дверь купе раздвинута, мимо ходят пассажиры, на которых собака внимания не обращает. Таня с ребятами возвращается, готовимся завтракать. Дверь по-прежнему открыта. Время от времени из-за края двери

выглядывает любопытная мордочка маленького ребёнка, паренька лет около двух. Он из соседнего купе, где его говорливая мамаша ведёт громкую беседу с соседями, рассказывая про свою «тяжёлую» житуху на Севере: и как муж всё время в море, и что не помогает ей совсем, и как без денег-то трудно, и продуктов-то совсем нет... Видим, что малышу очень хочется поиграть с нашими детьми, но те даже не смотрят на него: им ведь уже по четыре, и в этом году исполнится пять! Какие игры могут быть с малолеткой? На всякий случай привязываю Вегу под столом. Наконец осмелевший ребялёнок заходит к нам. Таня угощает его конфетой, а тот, зажав подарок в руке, лезет под стол, к собаке. Зная, как Вега относится к детям, мы не особо беспокоимся. Сначала парнишка гладит собаку, обнимает за шею. Вега пытается вывернуться из назойливых рученок, и тут упрямый малыш переходит в наступление. Теперь его привлекает мокрый и холодный собачий нос. Он хватает нос цепкой рукой и пытается открутить. Бедная собака всячески изворачивается, но паренёк продолжает свою работу. Наши попытки оторвать нападающего от Веги и изгнать его из купе оканчиваются полным провалом: ребялёнок верещит и отбивается, продолжая своё идиотское откручивание. За стенкой его маманя словно и не слышит громкого верещания, продолжая своё нескончаемое сказание. Собаке становится совсем неважно, вижу на её глазах слёзы отчаяния. Она как будто говорит взглядом: *«Спаси! Этот идиотик открутит*

моё самое главное орудие! Что ты будешь делать на охоте без моего чутья?!» Наконец я решительно отрываю отчаянно цепляющегося обормота от собаки и несу верещащее чудо его производительнице. Необъятно толстая мамаша корчит недовольную рожу, принимая проказника: ей очень не нравится, что я прерываю такой увлекательный рассказ. А вот её соседи, воспользовавшись паузой, мигом разбегаются в разные стороны.

Возвратившись, плотно задвигаю дверь. Вега и всё семейство благодарно смотрят на меня – освободителя.

Но это ещё не конец истории! Через пару часов слышим, как толстуха укладывает ребёнка спать. В нашем купе душно – снова приоткрываем дверь. Мимо, по-хозяйски заглядывая к нам в купе, проплывает соседка. В нос ударяет резкий запах потного тела, пудры и духов. Вега, напрягшись, провожает женщину недобрый взглядом. Через какое-то время толстуха плывёт обратно. Как только её взгляд устремляется в нашу сторону, Вега – совершенно неожиданно для нас – с рычанием прыгает на соседку из-под стола! И только коротко привязанный поводок спасает нас от неприятностей... В страшном испуге толстая мамаша ковыляет за проводницей, пытаясь устроить скандал, но у неё ничего не получается: проводница быстро разбирается в обстановке и рекомендует мамаше лучше смотреть за ребёнком.

Что же это получается? Почему такая спокойная собака набрасывается на взрослого человека? В конце концов реша-

ем, что Вега определила толстуху по запаху, как существо, отвечающее за поведение вредного малолетки. А потом решила, что надо преподать этой шваброкадабре урок! Таким вот образом!

На Родине отца

Проходит неделя нашего отпуска в Питере. Счастливые бабушки и дед занимаются внуками, гуляют с ними, навещают родных и знакомых, ходят в кино, закармливают лучшим в мире ленинградским мороженым... И тут появляется мой родной брат Олег с замечательным предложением съездить на родину нашего отца, в Тверскую губернию (Калининскую область), поохотиться. Ну, что же, отпуск у меня большой, целых полтора месяца, можно дней пять уделить поездке. Таня не против, а это самое главное. Вегу возьму с собой, хотя, конечно, мне не совсем понятно, что будет делать легавая на весенней охоте, разве что на вальдшнепиной тяге помочь.

22 апреля в час ночи высаживаемся на станции Викторovo. И попадаем в настоящую зиму: ночью выпало много снега и подморозило до минус трёх. Ночуем у нашей двоюродной сестры Антонины, и раненько утром топаем в деревню Гороватую. Утро ясное, солнечное и очень тихое. До Гороватой шесть километров. Четыре из них идём вдоль железной дороги, пару раз сходя со шпал в глубокий снег, чтобы пропустить поезд. Потом сворачиваем на заснеженную дорогу, ведущую через смешанный лес и поля к деревне. Вега трусит впереди, внюхиваясь в новые для неё запахи, временами останавливаясь и привычно выгрызая образовавшиеся между пальцами лап льдинки.

Не доходя до полей метров сто, замечаем в придорожных кустах свежайшие наброды тетеревов, чётко выделяющиеся на снегу. Вега, смешно всовывая морду в снег и энергично виляя хвостом, споро тянет по следам через кусты к полю. Сбрасываю тяжеленный рюкзачище, быстро собираю и заряжаю ружьё, предлагаю брату пойти за Вегой. Слегка уставший Олег отказывается: *«Сходи один. Если и есть там тетерева, то думаю, что не подпустят близко: весна ведь! Смотри, не стреляй тетёру!»* Зря он про тетёру-то: отец нас выучил хорошо на этот счёт, тем более – весной...

Иду за Вегой. Вижу, как она всё больше и больше насто-раживается, временами работая на потяжках. Метров через пятьдесят слышу хлопанье крыльев. В довольно густых кустах взлетающую птицу не вижу, замечаю черныша уже в вершинах берёз в тот момент, когда он продирается сквозь ветки, стремясь на чистое. Палю навскидку из левого ствола. Выстрел трудный. Дымный порох «Медведь» синим туманом заволакивает видимость, однако слышу, как, ломая ветки, тетерев падает. Спешу к месту падения, но там птицы нет. Иду по следам собаки, и тут же слышу метрах в двадцати хлопанье крыльев подранка. Бегу на шум и вижу Вегу, надёжно удерживающую быющего косача. Ай да Мастер Вега, не подкачала в незнакомой обстановке!

Возвращаюсь к Олегу. Он курит, сидя на поваленной берёзине, и рассказывает, как, после моего выстрела, чуть в стороне, взлетает ещё один черныш, но брат не успеваает вы-

стрелить. Сбитый тетерев удивительно красив: ярко-красные, надутые по-весеннему брови, сине-чёрное оперение, белоснежные перья подхвостья и изнанки крыльев... красота! Олег держит в руках косача и просит сделать из него чучело. Конечно же, сделаю, брат!

В деревне нас радостно встречают родные: сильно постаревшие дядя Сергей и тётя Наташа. *«Как раз к празднику угадали, - сообщает дядя, – у Мишки-то день рождения, семьдесят два годочка братке стукнуло! Вишь, хреновина-то...»* Вот как получается иногда: планируешь охоту, а выходит... Короче говоря, в этот день у нас с Олегом охоты не получается: пересиливает деревенское хмельное пиво. За столом у дяди Миши народу множество, но что особенно радует, так это встреча с двоюродным братом Толей, сыном дяди Миши, с которым мы были очень дружны в детстве. И сейчас у нас с ним много общего. Толик – тоже офицер, старший лейтенант, лётчик, закончил Оренбургское высшее лётное училище, женат, есть ребёнок... Вспоминаем детство, как вместе пасли коров, ловили карасей, воровали горох, ходили за грибами...

На глухарином току

23 апреля. Встаём наутро поздно. Не особо проспавшийся дядя Серёжа подносит нам по гранёной рюмке самогону: *«Выпейте, робяты, по лафитничку! Опохмелья для!»* Брат выпивает, с удовольствием опохмеляясь, потом и за меня, потому как я отказываюсь: хочется скорее на воздух, продышаться. Одеваюсь и «выползаю»...

Как же хорошо на воле! Прекрасная погода: ясный, повесеннему солнечный день, снег почти весь растаял, только кое-где виднеются его ошмётки, беловатыми тряпками застрявшие в кустах и у дальнего леса. Весенними голосами звенят синицы, задиристо чирикают и дерутся воробьи, слышится песня скворца... даже картавое карканье ворон кажется приятным...

К обеду мы протрезвляемся, собираемся и идём на разведку глухариного тока, который, по словам дяди Сергея, должен находиться где-то на клюквенном болоте, за ручьём Еменцем: *«Сам-то не бывал, а вот отец ваш Ондрюшка бегал туда частенько. Приносил мошников. Говорил, что до тока недалеко, километра четыре»*. Решаем, что если разыщем ток, то заночуем, поэтому берём с собой и тёплую одежду, и котелок, и кое-какую еду. Вегу тоже придётся брать, вот незадача... Собака на току... распугает сторожких птиц... Но ничего не поделаешь: Вега наотрез отказывается остаться

ся, как её ни уговариваю...

Топаем втроем. В лесу снега ещё хватает, особенно вокруг поваленных деревьев и в обрывистых извилинах ручья по южному берегу. Лес высокий, смешанный: берёзы, осины, сосны и ели. Много сухого валежника, мешающего идти. Видно, что даже летом здесь влажно. Нам кажется, как часто бывает, что противоположный берег Еменца более чистый и сухой. Воспользовавшись поваленными деревьями, образовавшими мост через ручей, перебираемся. Вега переходит сама, по толстым стволам. Однако и на другом берегу оказывается то же самое. Идём ещё с километр и оказываемся на краю мохового болота, среди которого серыми корявинами торчат давно засохшие сосны. Вокруг них в моховых кочках малиновыми бусинами виднеется подснежная прошлогодняя клюква. Словно капли крови... Отправляем в наши жаждущие после вчерашнего праздника рты пару горстей лесных «фруктов»... М-ммм... Крррасота и вкуснотища!

Обходим болото по краю, чувствуя, что сдвигаемся в сторону железнодорожного разъезда Клевищи. До него по прямой остаётся всего километра два. И где же ток?.. Следы глухаря, токующего в одиночку на земле, находит Вега. Видим, как усталая собака оживляется, смещает поиск к болоту, приостанавливается, что-то тщательно обнюхивая на снегу. Подойдя, обнаруживаем чёткий токовый след крупной птицы. Свежие кресты лап местами бегут, делая длин-

ные шаги, а местами частят, и тогда сбоку видны чёточки от опущенных глухарём тугих маховых перьев. Ладно. Идём дальше, внимательно всматриваясь в обстановку. Вот в одном месте лес забрасывает в болото десант из редко стоящих невысоких сосен, среди которых возвышается огромная старая корявая берёзина, каким-то чудом выросшая вдали от своих белоствольных подружек. Снег под деревьями и обнажившиеся на солнечных угревах кочки покрыты помётом глухарей: свежим, в котором кое-где видны не переваренные клюквины, и старым, с хвоей. Особенно много помёта вокруг берёзы. А под соснами характерный токовый мусор: хвоя, веточки, сучки и кора, всё это сброшено мощными глухариными лапами, разгуливающими по ветвям. Всё-таки нашли!

Отойдя вглубь леса метров на пятьсот, находим сухое место и устало располагаемся на ночлег. Неподальёку журчит ручеёк, крошечный приток Еменца. Где-то в глубине леса с чувством токует вяхирь. С дальнего болота доносятся крики журавлей, которым отвечает гудок паровоза с разъезда... Есть пока не хочется. Пьём крепкий чай, в который бросаем по несколько клюквин. Кормлю Вегу, которая вчера «не употребляла», поэтому отсутствием аппетита не страдает.

Густые сумерки сжимают пространство вокруг костра до освещённого круга диаметром метров в двадцать, далее си-неющая темень. Уже в полной темноте слышим хлопающие звуки глухариных посадок. Довольные, что на подслух идти

не надо, считаем посадки. Олег засекает двенадцать, я – пятнадцать. Ну, что же, птиц хватает! А вот что делать с собакой, мы так и не знаем... Самое простое, это привязать её в лагере, а самим перед рассветом двинуться на ток, разделиться, и с двух сторон пытаться свою охотничью Удачу. Так и сделаем.

Ночью слегка подмораживает. Огромное звёздное небо привычно распахивается над головой. Почти не спим. Сидим молча, наблюдая за костром и перебрасываясь скупыми фразами. Всё-таки сказывается разница в возрасте: целых тринадцать лет. Разные поколения с разными интересами и желаниями. Да и семейные неурядицы помнятся ещё очень хорошо. Разговор оживляется, когда вспоминаем отца. Как складывались у него охоты на этом току? Отец никогда о нём не рассказывал. Знали ли про ток наши далёкие предки? Когда мы обходили ток, не видели ни одного старого кострища... Решаем, что, конечно же, ток был знаком нашим прародителям, но вот ночевать им не было необходимости: деревня рядом – преспокойненько можно выйти часика в два ночи и знакомой тропкой притопать на токовище, как раз подгадав к песне.

Чуть развиднелось, и проявились вершины сосен на фоне засиневшего неба, а мы уже на ногах. Старательно тушим костёр, попутно удовлетворённо отмечая, что лёгкий ветерок не сносит дымок в сторону токовища. Берём только патронташи и ружья. Прыгаем, проверяя, не загремит ли что-

нибудь в личных вещах. Вега суетится вокруг, желая быстрее идти. Эх, собачка, и не знаешь, какая участь тебе готовится другом-охотником... Крепя сердце, привязываю Вегу к дереву, укладываю на куртку между рюкзаками, говорю ей утешительные слова. Поводок тонковат, как бы не оборвала, но решаю, что и так сойдёт: всё-таки собачка послушная, будет спокойно ждать...

Посматривая на Вегу, потихоньку отходим. Собака смотрит вслед умоляющими глазами, потом обречённо вздыхает и опускает голову на куртку. Нас поглощают темнота и тишина леса. Стараясь не попадать в едва различаемые остатки снега, осторожно приближаемся к току. Расходимся: Олег – налево, я – направо. Пройдя метров двести и решив, что хватит, сажусь на поваленную сосну и замираю. Тишина полная. В этой тишине и темени по-особенному проявляются запахи леса. Фон составляет сильный запах сосновой хвои. К нему присоединяется менее ощутимый запах мохового болота. А что самое удивительное, так это ощущение свежести талого снега, доносимого лёгкими поверхностными мазками, как будто кистью художника, делающего лессировку...

Медленно светает. Где-то над головой, в ветвях сосны, завозилась синица, чуть пискнула и снова притихла...

В этой тишине раздаётся тихий звук, как будто кто-то палочкой легко ударяет по латунной гильзе... «Чок!»... и тут же настороженно замирает. И я тоже настороженно замираю, стараясь унять забившееся сердце, сразу догадавшись, что

это именно то, что мне надо, то, за чем мы пришли сюда через километры весеннего леса – начало древней песни огромной птицы, русской охотничьей мечты...

Через пару-тройку минут звук повторяется, затем ещё и ещё. Это глухариное «чоканье» становится громче, учащается и, в конце концов, превращается в «скрежетанье», после которого наступает довольно продолжительная тишина...

До токующего глухаря не больше пары сотен шагов. Пора идти к птице. Тщательно просматривая возможные пути сближения, учитывая препятствия в виде веток, замёрзших лужиц и хрустких остатков зернистого снега, прыгаю под песню, под это самое последнее «скрежетание», когда токующий глухарь перестаёт слышать окружающий мир, целиком отдавшись своему древнему инстинкту продолжения рода. Через полчаса подхожу настолько, что углядываю глухаря в ветвях той самой корявой берёзы. Птица ходит по толстой ветке, в момент ярого токования раскрывая хвост и опуская крылья. Вокруг берёзы пустое пространство, которое мне ни за что не преодолеть, не спугнув глухаря. Как же быть? Да ещё где-то неподалёку подаёт осторожный голос копалуха... может быть, и не одна... Чуть отойдёшь от сосенок, тут же и взлетят рыжие красавицы, спугнут парня-то...

Лес взрывается выстрелом брата, однако мне везёт, что звук выстрела совпадает с последним коленом песни моего глухарика: он не слышит и продолжает петь. Глухарки замирают. *«Вот, - тоскую я, – Олег уже с полем, а мне и по-*

дойти-то никак...». Вдруг мой глухарёк, планируя, слетает вниз, под берёзу. И продолжает петь, расхаживая вокруг дерева. Рассветает настолько, что я ясно вижу, как он, разъярившись на воображаемого противника, разгребает мусор мощными лапами... А я стою за стволом сосны, и настроение у меня совсем упадочное... потому как поделаться ничего не могу... До птицы не меньше восьмидесяти метров – тут даже картечью сомнительно, а у меня её – картечи-то – и нет совсем. Самая крупная дробь – нулёвка в левом стволе, а в правом – двойка.

Слышу, как кто-то осторожно подходит сзади. *«Олег, ты?»* - спрашиваю, не оборачиваясь. – *«Давай, подходи»*. Не отвечает. Поворачиваю голову – так это же собачка Вега, перегрызшая поводок и нашедшая меня по следу! И что теперь делать? Орать на верного друга совершенно непозволительно. Приказываю жестом Веге сидеть и продолжаю наблюдать за мошником. А тот в азарте начинает высоко подпрыгивать, громко хлопая крыльями! Вега не выдерживает такого театрального представления и, сорвавшись, не смотря на моё грозное шипение, несётся к глухарю... Всё! Конец охоте! Глухарь, подпустив собаку довольно близко, с треском взлетает и... *мчится прямо на меня*, набирая высоту и скорость! Вот он уже в сорока метрах, вот в двадцати... хорошо видны пёстрые перья на брюхе и огромный, раскрытый веером хвост. Стреляю из правого «на штык», когда птица почти над головой. Глухарь, тут же сложив крылья, валится прямо на

меня. Пытаюсь отпрыгнуть в сторону. Птица, ошутимо ударив по бедру, грузно шлёпается грудью о землю.

В это время Олег, вылезая из кустов, видит всю эту изумительную картину: и летящую птицу, и бегущую за ней Вегу, и выстрел, и падение громадного красавца-глухаря... и меня, орущего от радости! Надо же: с помощью легавой собаки на глухарином току мне удаётся сделать «королевский» выстрел по древней птице!

Олег, пытаясь сохранить «взрослое» достоинство, рассказывает о своём приключении. На подходе к токующему глухарю он спугивает глухарку, которая – в свою очередь – сгоняет глухаря. Далеко, но всё-таки стреляет в мошника, метров за семьдесят, и, конечно же, впустую. Рассказ звучит так, будто это глухарь виноват в неосторожном подходе брата...

После выстрелов и моих восторженных криков ток замирает. Совсем светло – скрадывать глухарей нет смысла. Возвращаемся в лагерь.

Пьём чай и двигаем к дому. Как обычно, обратная дорога кажется короче. Выходя в деревенское поле, Вега выгоняет из кустов рыжего вальдшнепа, которого Олег сбивает красивым выстрелом. Хоть какое-то утешение для брата... Но, конечно, что-то есть неправильное в этом трофее, не на тяге всё-таки, не классика... И ещё: а вдруг это вальдшнепиха? Однако сомнения скоро вылетают из моей головы, и остаётся только Радость от весеннего леса, от трудных и увлекательных поисков тока, на который хаживал отец, от громад-

ной Удачи, пришедшей ко мне не без помощи Мастера Веги, от разговоров у ночного костра, послуживших хрупким мостиком к нашему сближению, от молодой горячей крови, заставляющей стремиться к охотничьим приключениям...

Дома нас встречают родные, удивляясь, как это мы с первого же раза ухитряемся найти ток, да ещё и добыть глухаря. Старого мошника я аккуратно потрошу, мысля о перспективе чучела, вкладываю в нутро еловые ветки, даже в горло просовываю веточку, чтобы не испортился трофей при перевозке. Подвешиваю его за лапы в холодной кладовке. При этом особо не переживаю: всё-таки всю зиму кормился глухарище сосновыми иголками и берёзовыми почками, и основательно просмолился. Судя по длине и очертаниям концов рулевых перьев, по величине изумрудного зеркала на груди, по цвету и величине крючковатого клюва, изнанке крыльев и весу птицы, делаю вывод, что глухарю никак не меньше шести лет. Грубый пружинный безмен дяди Сергея показывает пять с половиной килограммов. Забегая вперёд, могу доложить, что этот глухарь оказывается наибольшим во всей моей долголетней охотничьей практике.

А при потрошении птицы открывается такой секрет, которым я спешу поделиться со всеми. Несколько дробинок, найденных в птице, сообщают, что стрелял я вовсе не двойкой из правого ствола, а... вальдшнепиной шестёркой! Неужели я перепутал ночью номера патронов, заряжая ружьё перед охотой на току?! Да... Удивительно, что такую громадную

птицу срезала мелкая шестёрка, и сразу наповал!

Разлад

Утром 25 апреля, тяжело нагруженные деревенскими подарками от родственников, возвращаемся на станцию Викторово: нам назавтра уезжать. Поезд отходит в обед, и у нас есть ещё время сегодня побродить вокруг станции, постоять вечером на тяге, да и завтра рано утром поохотиться.

День ясный, солнечно и тепло. Лёгкие облачка бегут по голубому простору неба. Откуда-то из небесной высоты раздаётся едва слышимый гогот гусиной стаи. Над нашими головами вьётся первая весенняя бабочка-крапивница. Густым басом гудит шмель, направляясь к ивняку за пылью цветков-серёжек и сладким соком набухших почек. Вега бежит впереди, наслаждаясь после долгой северной зимы разнообразием весенних запахов... Хорошо!

Минуем поле и, подойдя к перелеску, где мы с Вегой взяли черныша, слышим звуки токового полёта бекаса. А вот и он сам: совершает большой круг над будущим местом гнездования. Снимаем поклажу и останавливаемся передохнуть. Олег, внимательно наблюдая за полётом бекаса, вдруг спрашивает: «Собьёшь его с одного выстрела?» Удивляюсь: «Зачем, брат?» Олег, не отвечая на мой вопрос, снимает ружьё. Неужели будет стрелять? Ради удачного выстрела губить весеннего бекаса, собирающегося гнездиться?! *Это же нарушение всех охотничьих заповедей, которым нас учил отец...*

Брат делает несколько шагов в сторону птицы, ждёт её подлёта и, прицелившись, стреляет в момент высшей точки бекасиной траектории, когда птичка как бы замирает перед быстрым спуском, чтобы подрезать рулевыми перьями. Этот дребезг и называется бекасиной «песней». Выстрел простой, дальний, по крошечной цели-птичке, но опять же – зачем?! После выстрела бекас маленьким комочком валится на талую землю... Брат победно оборачивается, а я, отводя взгляд, огорчённо подхожу к птичке... Поднимаю мокрого бекасику, угодившего в лужу, и размышляю о совершенно напрасной стрельбе, прервавшей маленькую весеннюю сказку... Приходит осознание, что Олег нарушил своим выстрелом не только охотничьи законы-заповеди, но ещё и что-то весеннее, радостное... я же получаю плевков в душу, оборвавший тонкую ниточку зарождающегося сближения... Дальнейшую дорогу почти не разговариваем.

Вечером, отстояв на тяге, берём по вальдшнепу, которых в сумерках находит Мастер Вега. За столом, гостеприимно накрытым сестрой Антониной, разговариваем друг с другом только по необходимости. Наутро охотимся порознь. Олег приходит пустой, а мне удаётся сбить красивого селезня-крякша, выгнанного Вегой из кустов на краю большой лужи с квакающей ордой лягушек.

Три счастливых дня в сентябре

Листаю дневник. Исписанные листы большой тетради в клетку снова переносят меня в те далёкие времена... Так много впечатлений... О чём же ещё написать? Пожалуй, вот это: о трёх счастливых днях в сентябре 1974 года. Эти дни находятся на особом положении, можно сказать – в красном углу моей памяти, и не только как дни удачной охоты с Мастером Вегой, но и как время полного человеческого одиночества, когда возникающие от созерцания Природы мысли удивительным образом преломляются в моём сознании, с одной стороны обнажая истину в запутанных ранее практических вопросах, а с другой – сближая с чем-то нереальным, иллюзорным, находящимся за гранью понимания...

Мастер Вега. Короткий отдых, а потом снова вперёд, к приключениям!

12 сентября, в пятницу, спеша на службу, вижу над Маячной сопкой большую стаю гусей, стороной облетающих город. И тут же накрывает меня такое желание охоты, что сил нет! Мгновенно взлетают из-под Веги куропатки, загораются костры бесчисленных ночёвок, распаиваются озёра, звенят

ручьи, плещется кумжа на перекате... На эти охотничье-рыбачьи воспоминания накладывается тоска по родным: по Татьяне и ребятишкам, которые пока в Питере, и приедут только через месяц... В общем, являюсь я на службу никакой...

Около 10 часов встречаю в курилке старшего помощника командира, капитана первого ранга Олега К. Правильный офицер, хороший мужик, душевный, увлекающийся рыбалкой. Заметив моё упадочно-мечтательное состояние, шутиливо спрашивает: *«Что, капитан-лейтенант, небось, в сопки хочется? Куропаток погонять? А гусей сегодня утром видел?»* Вежливо отвечаю, раскрывая свою мечту посетить землянку на озере Третий Южный Кылп, но ведь туда без ночёвки не добраться, а если выходить из города вечером в субботу, то есть после службы, то до темноты ну никак не успеть дотопать... И тут на меня сваливается Удача: старпом, слегка подумав, говорит: *«Так... завтра у нас ничего особенного на службе не предвидится... Можешь быть свободен сегодня после обеда. Доложи своему начальнику! А с тебя пара куропаток»*. Вот это повезло! Расплываясь в радостной улыбке, с чувством отвечаю: *«Есть быть свободным сегодня после обеда и завтра целый день!»*, и спешу к начальнику доложить о неожиданном отпуске. Начальник Слава слегка печалится: *«А я на тебя виды имел на завтра...»*, но деваться ему некуда – приходится подчиниться.

Сразу после обеда, конечно же, уйти не получается, одна-

ко в 16.00 мы с Вегой, снаряжённые на две ночёвки и вооружённые до зубов, уже трясёмся в кузове попутного грузовика в сторону Североморска-3. Машина пустая – на ухабах цепляюсь за борт, а вот беднягу Вегу валяет по всему пространству кузова, пока я не приспособливаюсь удерживать её за ошейник. Но это ничего, главное – едем!

Мимо проплывают картинки кольской лесотундры: сопки в желтовато-буром одеянии последней листвы, голые разноцветные скалы, мелькающие зеркала бесчисленных озёр, пенные речные перекаты... Может быть, кому-то этот пейзаж покажется скупом-однообразным, но только не нам с Вегой: наши глаза неустанно сканируют забортное пространство, узнавая знакомые приметы и отмечая новые, которые тут же хочется рассмотреть ближе... И обнюхать, конечно!

Высаживаемся в привычно знакомом месте, за сопкой Пупок. Переправа в этот раз проста: вода на перекате мелкая. За две ходки переносу сначала рюкзак с ружьём, потом Вегу.

Время около 17. Обходим Щучье озеро, направляясь на восток, к Гольцовым озёрам за Верблюдом. Небо ясное, градусов 5-7 тепла. Самая охотничья погода, когда ноги сами идут, не уставая. Всего через полтора часа спорой ходьбы мы уже подходим к озеру Верхнему Гольцовому и идём по его северному берегу, поросшему приличным по северным меркам березняком. И тут, в небольшом болотистом распадке с маленьким ручьём, Вега, наконец-то причуяв куропа-

чий запах, начинает энергично искать и на потяжке поднимает молодую птицу, которую я удачно сбиваю выстрелом навскидку.

Дальше идём вдоль ручья, медленно поднимаясь вверх между плосковатыми сопками. Распадок выводит нас к двум малюсеньким озерцам. Минуем их, стараясь идти по левому, более сухому берегу. Метров через триста собака забегает в густые заросли, и тут же от неё во все стороны начинают вылетать куропатки. Птиц около десятка. Вот одна на небольшой высоте облетает меня справа над озерцом. Коротко поведя, стреляю. Куропатка тряпочкой валится в береговые кусты. «Хороший выстрел», – отмечаю я мысленно. Ещё через десять минут Вега тянет к кустам на самом берегу озерца и чётко застывает на стойке. Светлая собака на фоне тёмных кустов и буро-зелёных листьев черники... очень эффектно! Успеваю достать фотоаппарат и сделать снимок. Потом посылаю Вегу вперёд. С характерным криком взлетает молодой куропач и тут же падает в черничные кустики.

Потихоньку темнеет, однако ясное небо даёт нам возможность пройти ещё пару километров. Хочется перед ночёвкой преодолеть водораздел и выйти к системе трёх озёр – трёх Южных Кылпов. Наконец, в густых сумерках видим светящееся на севере пространство большой воды: это и есть озеро Первый Южный Кылп, самое нижнее из трёх Кылпов. До землянки на Третьем Кылпе нам не дойти: надо располагаться здесь. Да и место очень удачное: сухой берег у впадения

ручья на берегу большого залива озера. Вокруг много сухих дров: обугленных берёзовых стволиков, оставшихся от прошлогоднего пожара.

Устало идём к берегу, и тут, с самого берега, почти в полной темноте, Вега поднимает большой выводок куропаток. Птицы едва видимыми пятнами мелькают на западной части небосклона. Посылаю туда выстрел и слышу плеск упавшей в воду куропатки. Сбросив тяжёлый рюкзак, продираюсь сквозь ивняк. Птица лежит у кромки берега, в мелкой воде. Возвращаясь за рюкзаком, слышу, как Вега азартно гоняет кого-то неподалёку. Спешу на помощь, к нашему общему удовольствию, это оказывается лёгкий подранок, которого, в конце концов, Вега благополучно добывает.

Ночное волшебство

Оборудуем лагерь под крики куропачей с соседних сопок. Притаскиваю дров побольше, чтобы хватило на всю ночь. На старом кострище сооружаю костёр. Ужинаем. Пью крепкий чай, несколько кружек подряд. Устало лежу на куртке рядом с тёплой Вегой. Жар костра, отражаясь от натянутаго куска брезента, хорошо согревает нас сзади. С удовольствием закуриваю отцовскую, ещё им обкуренную трубку. В этот раз заправляю её не обычным «Беломорканалом» из сломанных папирос, а запашистым «Золотым руном». Приходят неспешные думы о Тане, детях, пройденном сегодня пути...

Ночёвка в лесотундре после дня удачной охоты

Небо густо покрывается мириадами ярких звёзд... Вот и Млечный Путь, ведущий в бездонные пространства, от попытки понять которые «шапка валится с головы»... Внезапно, поперёк Млечного Пути, через всё небо прочерчивается зеленоватая полоса, постоянно меняющая цвет от бледного до густого зелёного, словно кто-то извне, огромный, непознаваемый в своей величине и мощи, ведёт по хрустальному куполу широкой кистью с зелёной краской. Полоса, мерцая, медленно смещается к востоку, потом вдруг, незаметно глазу, оборачивается извивающимся театральным занаве-

сом, с волнующимися фалдами-складками. Занавес, продолжая мерцать, постепенно наливается волшебным разноцветьем немыслимой палитры красок. Цвета играют, переходя один в другой с каким-то лёгким шелестом, звук от которого нисходит на Землю, достигая нас. Заворожённо созерцаю это великолепное представление, не желая думать о его физической природе... А что же Вега? Собака сидит и внимательно следит за северным сиянием. Настороженно поворачивает голову в мою сторону. В свете костра вижу в глазах собаки немой вопрос, требующий ответа. Ну, совсем по-человечески. *«Всё хорошо, Вежка! Спокойно отдыхай»*, – успокаиваю её, глядя голову и ласково почёсывая за ушами...

Театральный занавес сияния помаленьку тускнеет... *«Представление окончено!»* – решаю я, но тут гремит последний аккорд! Внезапно, из небесной точки, выбранной неведомым художником, распахиваются во все стороны многоцветные сияющие лучи-иглы, на непостижимо малые мгновения складывающиеся в фигуры, похожие на морские звёзды. Эти образования пульсируют: распахиваются, расширяются почти на всё небесное пространство, а потом снова сжимаются. До нас явственно доносятся звуки этих самых пульсаций... Или мне это только мнится?.. Наконец, после наибольшего распахивания, сияние свёртывается в изначальную точку, и всё окончательно заканчивается... Мы с Вегой ещё какое-то время ждём продолжения, заворожённо оглядывая потемневшие пространства мироздания, но...

В совершенном обалдении смотрим друг на друга. А потом приходит огромная, окрыляющая Радость! И чувство благодарности, что мы живём, существуем. В эти моменты мне кажется, что нет больше бесчисленных человеческих обязанностей и проблем... наши Души, слившись воедино, свободно пронзают пространство... и наступает уверенность, что вот сейчас, именно в этот момент, мы переступаем порог и входим в совершенно иную, до сих пор неведомую нам жизнь...

...

За всё время моей службы на Кольском увидеть такое редкое звёздчатое северное сияние мне повезло всего два раза. Второй раз это произошло в Североморске: мы с Татьяной спокойно шли по улице, когда ночное небо буквально обрушилось на нас световыми волнами красочных пульсаций...

В землянке

Ночью похолодало – пришлось несколько раз подкладывать дрова и укутывать Вегу потеплее, помня её больные ноги. Наутро, чуть светлеет, наспех пью чай и, прибрав место стоянки, трогаемся дальше.

Мастер Вега на стойке по выводку белых куропаток

Сначала идём вдоль восточного берега озера, потом, не доходя до речки, соединяющей все три Кылпа, лезем через сопку, напрямик ко второму озеру. Достигнув вершины, маленько отдыхаем, наблюдая великолепную панораму всех трёх озёр. Спускаясь с сопки, попадаем в болото, которое приходится обходить. Сапоги чавкают, выдираясь из болотистой мешанины. Вега бежит слева, по сухому: не хочет собачка даже чуть-чуть промочить лапки. Внезапно от неё, с совершенно чистого места, взлетает с характерным лопотаньем куропад и, набирая высоту, летит над болотом к дальнему берёзовому колку. Успеваю сдёрнуть ружьё с плеча и тщательно выцелить уже довольно далёкую птицу. Раз за разом гремят выстрелы. Вижу, что попадаю из обоих стволов. Зашатавшись после первого выстрела, после второго куропад резко снижается и рушится в кусты на дальней стороне болота. Вега спешит к нему, огибая болото с возможной скоростью, а я чавкаю по прямой, желая подсчитать шагами дистанцию удачной стрельбы. На девяностом шаге вижу собаку, сидящую рядом с куропадём.

Ещё полкилометра, и выходим на берег Второго Кылпа. Озеро поражает своей красотой. Стоим на лесистом берегу и любуемся восходом солнца, косые лучи которого, зеркально отразившись от поверхности, превращают озеро в сверкающий серебряный слиток. Слева виден полуостров, далеко вдающийся в озеро, справа – узкий островок, покрытый густым березняком. Небольшая стайка чернетей низко ле-

тит над водой, направляясь к островку. На северном берегу озера возвышается большая сопка с лысой каменистой вершиной. Вега сидит рядом и, я уверен в этом, тоже с огромным удовольствием наблюдает за происходящим... Сама собой приходит мысль о полной гармонии этого места... хочется остаться здесь надолго...

Обходим Второй Кылп с юга. Видим впадающий в озеро ручей и, думая, что он течёт из Третьего озера, сворачиваем вдоль ручья. Идём по его восточному берегу, более сухому и высокому, фактически это склон лесистой сопки. Западный берег ручья болотистый, с многочисленными лужами и лужицами застоявшейся, плоховато пахнущей воды. Вега, что-то причуяв, перебирается по камешкам на болотистую сторону и испугивает с лужи стайку чирков, легко и дружно вспорхнувших с воды. Дуплетом вышибаю из стайки трёх птиц, за которыми приходится перебираться через ручей. Птицы упали на середину лужи, которая оказывается глубоководной – приходится собирать спиннинг.

Пройдя с полчаса, начинаю понимать, что ошибся ручьём. Приходится доставать карту. Так и есть – рано свернул! Есть ещё один ручей, чуть подальше – вот он-то как раз и вытекает из Третьего Кылпа. Что ж, обогну сопку и пойду на север. Тут же вспоминаются незабвенные слова шакала из замечательного мультфильма про Маугли: *«А мы пойдём на север! А мы пойдём на север!»* Вот и мы пойдём на Север! Как же любят наши ребяташки этот фильм. У них есть пластинка

с этой сказочной историей... Мгновенно воспоминания захлёстывают меня. Налетает такая тоска по жене и детям, что сажусь на мшистый камешек, закуриваю трубочку, и... предаюсь воспоминаниям по полной программе: снова я в ином времени, шагаю по Питеру, подходя с бьющимся сердцем к знакомому дому на Краснопутиловской улице, где открывает дверь голубоглазая девушка – Мечта... снова мы сидим на скамейке, на Марсовом поле, в Первомайский праздник в далёком 1966 году, где решаем соединить наши жизни навсегда... Воспоминания настолько реальны, что я уже плохо сознаю, где нахожусь, в какой реальности существую...

Вега, по-своему разобравшись в моём состоянии, внимательно смотрит, потом, закрыв глаза, кладёт голову мне на колено, возвращая в настоящее... Милая Мастерница Вежка, какая же ты понятливая...

Огибая сопку, замечаю, как собака внезапно лезет по крутому склону и через несколько метров стаёт. Вижу плотно сидящих на склоне куропаток, готовящихся взлететь. Ухитрюсь из неудобного положения, изогнувшись таким кренделем, стрельнуть на взлёте. Пара птиц остаётся на месте. Ну, ничего не пропускает Вега!

Землянка на Третьем Южном Кылпе зимой. Ни души, только мои лыжи слева отдыхают...

Обходим Третий Кылп, продвигаемся по небольшому ручейку, и – вот она, землянка! Кто не знает, нипочём не найдёт. Располагается в скрытном месте, на крутоватом склоне сопки, в естественном углублении между огромных камней. Развязав шкертик, раскрываю брезентовую дверь на деревянном каркасе. Заходим. Ничего не изменилось с последнего мартовского посещения: железная ржавая печурка, лежаки из берёзовых прутьев по бортам, шесты, прикреплённые у подволока для сушки одежды. Пол земляной, присы-

панный песком и листьями. У печки заботливо сложены сухие дрова. Вижу приятную новость: какой-то молодец заменил дырявую жестяную трубу, потрудившись притащить новую по бездорожью. Улыбаюсь: труба-то водосточная! Сбоку от печки полка. На ней оставлены кое-какие продукты: неполная пачка соли, пара банок консервов и спички. Лежит свёрнутая в трубочку береста. Полка приделана высоко – от мышей и леммингов.

Время обеденное. Решаю расположиться, хорошенько отдохнуть, выспаться, а завтра тронуться в обратный путь. Печурка, получив порцию сухих дров, сразу же начинает выпевать приятную песенку. На обед варю пшённую кашу с тушёной. На двоих, конечно. Долго пью чай. Выползаю наружу, сажусь на плоский камень, сверху которого мастеровитый посетитель приспособил связку прутьев, создав нечто похожее на скамейку. Достāju отцовский кисет с табаком и трубку, закуриваю. Кисет резиновый, сделан так, что его узкое горло само закручивается – завязывать не надо. Где отец достал его, может, ещё во время войны?..

Ветра нет, полный штиль... Если смотреть вниз по склону, то хорошо видно крошечное узкое озерцо, из него вытекает ручеёк, по которому мы сюда добрались. Дальше высится большая голая сопка, по которой – вот это да! – гуськом топают олени! Их около десятка. Неспешно передвигая крепкими ногами, рогатые красавцы шествуют мимо, не замечая нас. А может быть, всё-таки заметив, просто не об-

рацают внимания. Ведь диких оленей здесь почти нет: все животные совхозные, распущенные на лето в свободную кочёвку. К ноябрю их будут собирать, перегонять в загоны... А пока они ведут вольготную жизнь... Идут, куда хотят, как всё равно мы с Вегой... Странно, что собака, обычно с удовольствием гоняющая оленей, спокойно смотрит, не делая ни малейшей попытки погнать...

Проводив маленькое стадо, продолжаем наблюдать за окружающим миром. Созерцая окрестности, вспоминаю все подробности сегодняшней охоты. Достая блокнот, записываю каждую взятую птицу и, конечно же, тщательным образом работу Веги. Получается очень интересно. У Веги очень верное чутьё: за сегодня и вчера ни одной пустой работы, причём собака пользуется одинаково хорошо как верхом, когда есть хоть малейшее движение воздуха, так и низом, по следам находя птиц при штиле или за ветром. Самые дальние работы были при устойчивом встречном ветерке в лысоватом распадке (35 шагов) и на краю болота (около 40 шагов), причём птицы при этом не бежали, это точно.

Вега... Мастерца Вега... Охотница... Удивительно рациональная в поиске...

Ну, как только начинаю размышлять о Веге, так память тут же и выносит из своих глубин разные случаи, происшедшие с собакой. Вот, к примеру, происшествие на одной из летних рыбалок.

Идём неспешно по каменистому берегу реки Большой Тю-

вы, привычно таскаем на поплавочную снасть форелек, в надежде на трофейных кумж облавливаем плёсы спиннингом, любим пейзажами, слушаем перекаты, воюем с северным гнусом... Хорошо и спокойно. Вега, в отличие от наших последующих собак, рыболовом не была, то есть вообще рыбой не интересовалась. Поэтому, как только я останавливался и забрасывал удочку, собака тут же ложилась и мгновенно засыпала... А на переходах предпочитала «чистить шпоры».

И вот, на одном из переходов, проламываясь сквозь кусты ивы и берёзы, слышу сзади взвизг. Надо же такому случиться, что спружинившая от моего сапога ветка острым сучком накалывает левый глаз Веги, пробив роговицу прямо по середине зрачка... Терпеливая Вега даёт осмотреть рану. Глаз не вытекает, похоже, что хрусталик тоже не задет... или задет? Надо бы к окулисту-ветеринару, да где его взять-то, за двадцать километров от города?... Сворачиваю удочку и – к дому. Собака, закрыв глаз, старается идти у самой ноги, заставляя очень осторожно преодолевать заросли. Пока идём, хрусталик сильно мутнеет...

Вот, наконец, и город. Едем в Мурманск, к собачьему доктору. Крупный «специалист» от ветеринарии осматривает глаз и уверенно даёт печальный прогноз: *«Глаз надо удалять! И немедленно, иначе может быть загноение!»* Я поворачиваюсь и молча ухожу, не веря в ужасный приговор. Возвратившись, посещаю «человеческого» окулиста, которому и выкладываю нашу печальную историю. Врач советует

капать альбуцид и закладывать глазную мазь. Через неделю помутнение хрусталика почти полностью проходит, остаётся крошечное белёсое пятнышко, которое вскоре вовсе исчезает. Роговица восстанавливается. Заживает, как на собаке! А таких «специалистов» от ветеринарии гнать надо поганой метлой по ж...!

...

Вега вдруг с ворчанием настораживается: слышится отдалённый разговор. Точно там же, где недавно проходили олени, идут двое. У одного, постарше, связка удочек, у молодого – ружьё на ремне. За спинами объёмистые рюкзаки. Увидев нас, приветственно машут руками. Отвечаю тем же. Мужики спускаются со склона, переходят ручей и тяжело карабкаются вверх. Подходят, с некоторой опаской посматривая на Вегу. Натужно дышат, но улыбаются. Здравуемся и знакомимся. Старший сообщает: *«Чуть было не прошли землянку-то. Хорошо, что вас увидели!»* Отец с сыном. Виктор и Николай. Из нашего города, с улицы Кирова. Отец – мичман, сын – строитель. Несколько дней в сопках. Поймали прилично рыбы, но куропатку молодому Коле удалось подстрелить только одну, да и ту съели.

Идём в землянку. Гости, заметив подвешенную у входа добычу, делают круглые глаза: *«Вот так да! Как тебе удалось?»* Гордо показываю на Вегу: *«С таким Мастером по-другому невозможно!»* И рассказываю, как собака работает. Удивлённо слушают, открыв рты: никогда не видели раньше

работу легавой собаки, только слышали, да не особо верили. После рассказав и пояснений вижу, как меняется их отношение к собаке: с осторожно-прохладного на восхищённо-уважительное.

Совместно обедаем. Виктор поджаривает на сковородке несколько кусков свежей оленины. *«Неужели сбраконьерили?»* – напрашивается мысль. Виктор улыбается: *«Лопарей встретили – они и угостили, а вернее – махнули у них на шило (спирт), была у нас взята бутылочка»*. Пока мясо жарится, распространяя по землянке завлекательные ароматы, заставляющие Вегу пускать длинные клейкие слюни, мужики рассказывают про встречу с двумя лопарями, вернее – с саамами: так правильно называется этот северный народ Кольского полуострова. Большинство саамов живёт за границей, в северной Финляндии и Норвегии. Это олений народ, кочующий. *«Как только лопари получили бутылку, так тут же и высосали её всю, - залиvisto смеётся Виктор, – а потом хрясь на землю и захрапели! Когда проспались, долго пили крепкий чай и жаловались, как им надоедают падлы-браконьеры, стреляя в любое время года их совхозных олеников»*. Коля дополняет: *«У каждого из них мелкашка для защиты от браконьеров. Так они говорят, да я думаю, просто для пропитания: прямо при нас один из лопарей, далеко увидав сидящую на сопке куропатку, тут же и сбил её метким выстрелом»*.

Сытно обедаем, от души набивая желудок вкуснейшей

олениной. Веге тоже перепадает прилично. За рассказами обед незаметно переходит в ужин. Распахнутая дверь землянки позволяет видеть дальние сопки, желтеющие березняками. К вечеру холодает. Ночь звёздно-осенняя, но сияния в эту ночь нет. А может, было, да мы не видели: спалось с устатку удивительно сладко...

Обратный путь

Рано утром, ещё в темноте, мужики пьют чай, собираются и двигают к городу, оставив в землянке все несъеденные консервы. Мы с Вегой пока остаёмся: надо свалить несколько сухостоин и наколоть дров. Так принято среди охотников и рыбаков. Это – закон!

Часа через два уходим и мы. Прощай, гостеприимное жильё! Спасибо тебе! И пусть не тронет тебя рука нехорошего человека.

Будем держать путь по водораздельным сопкам с курсом на посёлок Щук-озеро, до которого по прямой около пятнадцати километров, а это значит – все двадцать, а то и двадцать пять. Придётся хорошо пошагать, если хотим успеть на вечерний автобус.

Обратная дорога проходит спокойно, размеренно-монотонно. Стараясь не терять высоты, чтобы потом не взбираться с грузом в гору, спускаемся только по необходимости, попутно обследуя лесистые распадки. После двух морозных ночей лист сильно облетел, золотые берёзовые колки поредели и побурели, а редкие осинки выставились покрасоваться оранжево-малиновыми листьями.

Отъевшаяся за вчерашний вечер и хорошо отдохнувшая Вега с привычным профессионализмом обыскивает перспективные места, время от времени делая чёткие работы,

из-под которых сбиваю несколько птиц. Примерно в километре от посёлка, уже ступая по торной тропе, удаётся взять из-под собаки удивительную куропатку, гораздо больше весом, чем обычная. Куропатка (не куропач!) тянет на неразлучном безмене почти полтора кило! Явная «работа» тетерева, который создаёт пары и с глухаркой, и даже с рябчихой – вот какой умелец по женской части! Ожидая в течение получаса последнего автобуса, подсчитываем трофеи. Окончательный итог: пятнадцать куропаток и три чирка-трескунка, взятых двадцатью одним патроном. Неплохой результат.

Вспоминаются только две мысли, возникшие тогда в голове и заставившие шевелить мозгами, настроенными поначалу на созерцательное восприятие окружающего мира.

Первая мысль: продолжение обдумывания иллюзорности реальности. И основным доказательством наличия этой самой иллюзорности служит несколько раз проявившееся состояние своеобразного смещения реальности. Ну, к примеру, пять минут назад я перешёл по скользким камням ручей. Однако ощущение этого перехода – как я прыгал с камня на камень с тяжёлым рюкзаком, как, поскользнувшись, чуть не плюхнулся в воду, как переносил Вегу на закорках – настигает меня спустя эти самые пять минут, именно сейчас заставляя по-настоящему пережить переправу... Вот и получается иллюзорность реальности, как не крути! И только когда пропустишь это переживание через себя, реальность становится настоящей.

Вторая мысль: о страсти к добыче охотничьих животных. Прекрасный натуралист, профессиональный топограф, охотник и писатель Григорий Федосеев описывал свою охотничью страсть, бурно проявляющуюся в нём, пока происходило преследование зверя. Тогда он *«...становился рабом этой страсти, мог ползти сотни метров на животе, спускаться по опасным обрывам, переходить тонкие болота...»*. Но после взятого выстрелом животного страсть его угасала: мёртвое его больше не интересовало. Обдумывая эти его умозаключения, прихожу к выводу, что охотничья страсть несколько по-иному захватывает меня. Во-первых, охота на крупных зверей меня почти не интересует. Во-вторых, моя теперешняя охота во многом связана с охотящейся рядом легавой собакой, Мастером Вегой, поэтому даже после взятия животного страсть моя не затухает: надо же записать и оценить работу собаки, свой выстрел, осмотреть взятую птицу, записать все сопутствующие параметры и мысли в дневник, отобрать экземпляр для чучела, сфотографировать...

...

Поздно вечером отношу правильному старпому трёх куropаток. Он спрашивает об охоте, работе собаки, что видел... Отвечаю ему несколько скованно: всё-таки усталость сказывается, неожиданно наваливаясь на меня в атмосфере тёплой квартиры, пахнувшей свежими пирогами... *«Иди домой, отдохай! Завтра не проси службу, капитан-лейте-*

нант!» - слышу его прощальное напутствие.

На Паше. Последние охоты с Вегой

Отпуск 1975 года проводим всем семейством на даче родителей Татьяны, на востоке Ленинградской области, на реке Паше, с третьего по пятнадцатое сентября.

За эти две недели, охотясь с Вегой, беру из-под неё девять крякв, по паре тетеревов и рябчиков, а также молодого глухаря. Большинство крякв стреляем вдоль реки и стариц, в кустах ивняка и ольшаника, где их Вега находит и поднимает на крыло, я стреляю над водой, а потом, если глубоко, раздеваюсь и плыву доставать, иногда зажимая утиную шею в зубах... своих зубах... Картина потрясающая! Вега в это время, как ни в чём не бывало, спокойно сидит и, улыбаясь, ждёт меня на берегу с добычей... её добычей!

В отпуске происходит несколько случаев, достойных описания. Первый – ещё на Кольском, во время ожидания посадки на самолёт. Стоим всей семьёй в зале ожидания аэропорта, а вернее – военного аэродрома, расположенного далеко от Мурманска. Сесть некуда: все скамейки забиты людьми. Залом ожидания служит огромное «сараяобразное» здание, утеплённое недавно установленными батареями центрального отопления. Батареи только что покрашены ядовито-зелёной масляной краской. И тут Вега замечает сидящего неподалёку от батареи огромного рыжего кота. Кошек Вега не любит, определив их, после своих беспризорных скитаний

по городским свалкам, как своих конкурентов в борьбе за выживание. Рыжий кот из-под прикрытых век внимательно отслеживает природного врага. Вега, внезапно рванувшись, выдёргивает из руки пятилетней Маринки поводок и с лаем бросается на рыжую бестию. Кот прыгает за батарею. Вега лезет под батарею, за ним. Рыжий с воплем вылетает из-за батареи, оставшись совершенно чистым. Собака выполняет из-под батареи, сверкая по всей спине, холке и голове зелёными разводами... Через полчаса грядёт посадка в чистый салон Ту-134... Что делать?! Привязываю собаку к какому-то поручню, ставлю всю семью охранять зелено-крапчатое чудище, и начинаю метаться в поисках решения. Метания мои заканчиваются приветливым отношением аэродромного техника, который за небольшую мзду приносит канистру авиационного топлива и ворох ветоши. Складываю всё в неприметный угол и мчусь за Вегой. Техник открывает канистру. Всё близкое и средне-близкое пространство заполняется воняющей жутью... Намочив кусок ветоши правой рукой, одновременно удерживая собаку за ошейник левой, пытаюсь поднести воняющую ветошь к собачьей спине. Вега, пряча нос и сделав бешеные глаза, пытается вывернуться из ошейника и удрать, скорее всего, обратно под батарею... Нас обступают сердобольные тётки, рассказывающие своим детям, какие бывают некультурные флотские офицеры (я, естественно, в форме капитан-лейтенанта), и как они порой мучают милых собачек... Я свирепею, ставлю Вегу по стой-

ке «Смирно!» и оттираю зелёную вонищу с бывшей оранжево-красочной шкуры. В суматохе у меня получается только равномерно размазать зелень... С тем и выхожу из тёмного угла. Объявляется посадка. Обречённо иду, накинув на собаку чистое полотенце. На входе предъявляю собачий билет. «Что у вас с собакой?» - ожидаемо звучит законный вопрос. Бодро отвечаю: «Собака побаивается летать, приходится накрывать её с головой». Сотрудник аэропорта, приносиваясь, проверяет ветеринарную справку и... пропускает. Надо ли рассказывать про все мытарства, которые нам приходится испытать в салоне самолёта?..

Зелёная краска, высохнув за время полёта, въедается в собачью шерсть настолько, что не отмывается в течение всего отпуска...

Другой случай связан с приездом на дачу родственников и знакомых. Вечером сидим за столом, выпиваем и закусьваем, готовясь, по тогдашнему хорошему обычаю, исполнить хором пару-тройку народных песен. Заходит разговор об охоте с Вегой. Володя Озеров жалуется на малое количество боровой дичи: «Ходил за грибами, брал ружьё. Ни одной птицы не встретил». В ответ на это показываю на Вегу, спящую под столом, и говорю, что с мастеровитой легавой добуду дичь за час. Короче, хвастаюсь. И приходится тут же ответить за свои слова: мне предлагается, взяв Вегу и ружьё, немедленно убить за дичью, а время они сами засекут. Дааа... прокололся... Но марку надо держать: соби-

раюсь и топаю за дом, на клюквенное болото. Потихоньку смеркается. Подойдя к болоту, иду его ближним краем. И тут нам несказанно везёт: через двадцать минут Мастер Вега срабатывает на брусничной полянке старого косача. Птица летит правым боком ко мне, довольно низко, мелькая между частыми сосновыми стволами. Успеваю подумать о дробе, которая может разлететься, ударив в сосну, и... палю из правого ствола, скорее наудачу, чем выцелив. Тетерев валится в брусничник, битый наповал. Довольная Вега бежит к нему, долго обнюхивает, воткнув нос в перья, потом с улыбкой садится рядом. Конец охоте! Сомневающиеся достойно посрамлены. Мне наливается победная стопка, Вега выдаётся мозговая кость. Заслужили!

Когда начинаются высыпки дупелей, несколько раз показываю Вега этих замечательных птиц, пытаюсь увлечь поиском, но тщетно – собака не хочет работать по этим куликам, да и по прочей красной дичи: бекасам, коростелям, гаршнепам... Единственный раз заинтересовалась было собака струйкой запаха от крепко сидящего бекаса, да мазанул я бездарно по взлетевшей птичке...

На самой высокой сопке...

Возвращаемся на Север в середине октября. А там уже лежит снег. Больше мы с Вегой на куропаток не охотимся. Никогда...

Я уже писал в начале настоящей главы, что Вега, привыкнув подбирать куски на улице, частенько травилась. И мы ничего с этим поделать не могли. Кончилось это кусочничество трагически.

Вега, Вежка, собачка... как же мы все тебя любили...

4 марта 1976 года Веге исполняется восемь лет. А через несколько дней, сразу после праздника, на вечерней прогулке Вега что-то ухитряется подобрать на тротуаре около дома. Ночью её тошнит, рвёт кровью... Мне, как назло, не удаётся уйти со службы, чтобы отвезти собаку в Мурманск, да и что может сделать тамошний «специалист», к которому у нас нет доверия? Лечим собаку народными средствами. Но, оче-

видно, отравление заходит уже очень глубоко. Собака ничего не ест, только пьёт воду, которая тут же выливается обратно. Организм обезвоживается. Вега на глазах худеет. Стонет. Так проходит день, ночь и ещё день. На третью ночь мы вообще не спим, постоянно находясь с собакой. Наконец нам кажется, что наступает облегчение: Вега с трудом перебирается на своё место, глубоко вздыхает и успокоенно засыпает. Устало засыпаем и мы...

Часто просыпаясь, я вслушиваюсь в прерывистое дыхание Веги. Сильно надеюсь, что её организм поборет болезнь.

Однако Собачьи Боги решают по-своему и забирают Вегу к себе, направив её верную Собачью Душу по небесной тропе в леса вечной охоты... Тяжело переживаем всей семьёй уход любимой Вежки. Дети и Таня плачут. У меня тоже слёзы на глазах. Завернув друга в одеяло, уношу на вершину сопки, возвышающейся тут же, у соседнего дома. Там, наверху, зарываю Вегу глубоко в снег между огромными скальными обломками: *«Полежи пока, дружок, завтра я найду тебе достойное место. А сейчас надо идти на службу»*.

Назавтра воскресенье. Одеваюсь для охоты по-зимнему, беру ружьё в чехле, патронташ, рюкзак и небольшую лопату на короткой ручке. И широкие охотничьи лыжи. Поднимаюсь к Веге. Осторожно укладываю друга в рюкзак, взваливаю на спину и медленно схожу вниз, во двор. Вышедшие провожать нас Таня и ребята просятя со мной, но нельзя: собираюсь схоронить Вегу на самой высокой сопке над горо-

дом, а как идти туда, не знаю, да и метёт сильно позёмка, и на вершинах, наверное, ветрюган совсем с ног сшибает.

Ухожу один. Вернее, вдвоём. В последний раз.

Молча, стиснув зубы, шагаю по улицам, выбираясь на окраину. Ветер бьёт в лицо мелкой колючей крупой. На улице Восточной ко мне неожиданно присоединяются два охотника, с ружьями за плечами и лыжами в руках. Это два Олега: мой дружище Осипов и его сослуживец Есаков. Улыбаются, но, узнав о смерти Веги, Осипов расстраивается. Всё-таки много похожего нами с Вегой... много взято дичи из-под её стоек... А вот Есаков, молодецки сдвигая шапку на затылок, закуривает и вдруг такое произносит, что я сперва и не врубаюсь: *«Я тут капканы на волков и лис собираюсь ставить, так давай собаку употребим на приваду. Что добру пропадать!»* Когда до меня доходит вся мерзость его слов, я сдёргиваю рюкзак с ружьём, бросаю лыжи, и... дружище Олег Осипов в самый последний момент перехватывает мой кулак, летящий в морду Есакову.

Весь покрывшись нервной дрожью, молча поворачиваюсь к ним спиной, взваливаю рюкзак на спину, подхватываю ружьё, лыжи и ухожу в крутящуюся снеговерть. По моим щекам текут слёзы... слёзы обиды... Не вытираю: всё равно никого рядом нет.

На каменистой сопке высотой 168,4 метра, откуда и город виден, а особенно хорошо озеро Нижнее Ваенгское, воздвигаю над могилой Веги пирамиду из валунов. Высокую. Рабо-

таю долго, часа три. В конце работы пот брызжет из меня во все стороны. Потом сажусь рядом, собираю ружьё и достаю небольшую фляжку. С водкой. Помянуть верного друга. Заряжаю ружьё, и... гремят выстрелы. Восемь раз, по количеству лет. Салют в честь прекрасной охотничьей собаки, всю себя отдавшей любимому другу-охотнику и его семье.

Долго сижу, совершенно без сил. Как физических, так и душевных...

Примерно через час, когда чувствую, что коченею, что даже пот начинает замерзать под одеждой, встаю, надеваю шапку, пристёгиваю лыжи и, не разбирая дороги, мчу вниз, к Тане и ребятам...

Место вечного покоя Веги. Высота 168,4 метра. Хорошо видно озеро Нижнее Ваенгское

В начале мая, выбрав хорошую погоду, мы всей семьёй идём навещать нашу Вежку. По склонам сопок взбираемся без лыж, солнечными угревами, где стаял снег. Глядя на прекрасную панораму, раскинувшуюся вокруг каменной пирамиды, печально молчавшая до этого Таня произносит: «Хорошее место ты выбрал для Веги...». Ребятишки затевают игру у камней, под которыми спит Вега, так сильно любившая их...

Повесть вторая. Чёрно- крапчатый цветочек

Соколовы и их Доська

Наша семья тяжело переживает уход Вегги. Не хватает её умного, всё понимающего взгляда, привычного подсовывания головы под руку, прогулок по городу и парку, замечательных охот... Однако заполнить душевную пустоту только воспоминаниями невозможно: тоска по любимой собаке набирает силу, служба не радует, работа валится из рук, мне постоянно снятся сны про наши с Веггой охоты, где собака снова бежит рядом по осенним сопкам, и снова я взваливаю её на плечи, перенося через очередную водную преграду.

Воспоминания о Веге...Фото Александра Сильса

Почти три месяца проходят в печали. Наконец, Великие Собачьи Боги, разобравшись в неподдельности нашей Тоски, посылают нам Утешение. И снова их посланником оказывается дружище Олег Осипов, который сообщает нам потрясающую новость: на днях он встречает во дворе своего дома (надо же!) английского сеттера, чёрно-крапчатую суку по кличке Донни. Собака живёт в семье полковника медицинской службы Соколова Виктора Ивановича и его жены Розалии Исааковны. Сука классная, с родословной и дипломом. Более того, Донька три недели назад, 8 мая, ощенилась

аж четырнадцатью (!) щенками.

Это Судьба!

Вечером того же дня мы с Таней и Олегом стучимся в дверь к Соколовым. Нас встречают гостеприимная Розалия Исааковна и – с лаем и шумом – довольно рослая чёрно-крапчатая сука с курчавой по бокам и спине шерстью. Собака весьма энергично пытается не допустить нас до щенков. Представляемся, объясняем цель визита и, раздевшись и тщательно вымыв руки, входим в комнату со щенками. Перед нашими глазами предстаёт нечто удивительно-невообразимое: посреди комнаты на полу сидит счастливый Виктор Иванович в тужурке с полковничьими погонами, а вокруг него и на нём хулиганят белые толстенькие щенки с чёрными пятнами на ушах, головах и мордах. Россыпь мелкого крапа на лапах только-только проступает. Щенки бесятся, влаивают тонкими голосками, виснут на разных частях обмундирования Виктора Ивановича... Красотища!

Виктор Иванович осторожно снимает гроздь щенков, поднимается и здоровается. Знакомимся. Полковнику надо ехать в госпиталь, на службу, поэтому основной вопрос решается быстро: нам предлагается выбрать любого щенка. Так сказать, «застолбить» за собой приглянувшегося. А уже через неделю, когда щенкам исполнится месяц, можно будет забирать. Виктор Иванович, попрощавшись, удаляется чистить обмундировку. А мы ползаем на коленках и выбираем

щенка. Конечно же, суку. Олег, посмотрев на симпатичных малышей, совершенно неожиданно решается на кобелька.

Мы с Таней сразу «кладём глаз» на маленькую юркую су-чёнку, очень живую, уже пропорционально сложенную, любопытную, обнюхивающую всё подряд, с удовольствием играющую с однопомётниками и не дающую себя никому в обиду. «Столбим» её и сообщаем Розалии Исааковне. Для Олега выбор не труден: остаются не разобранными всего два кобелишки. Довольная Розалия Исааковна помечает отобранных щенков химическим карандашом, ставя на их животиках метки «Ф» и «О».

Выпив по чашке чаю и поговорив о собаках, довольные и радостные уходим домой сообщать ребятам о будущем великом событии.

И сразу в отпуск!

Как же назвать малыша? Этот серьёзный вопрос обсуждается несколько дней. Было необходимо, по тогдашним правилам, чтобы у щенков в кличках присутствовали начальные буквы кличек родителей. Кличка отца – Лорд, матери – Донни. Наши шестилетние ребята, умеющие читать с четырёх лет, соревнуясь, придумывают массу кличек, но «побеждает» всех Татьяна, предложив замечательную кличку Линда. Семья Осиповых, частично наплевав на правила, даёт кобелишке кличку Джерри, совсем по Джеку Лондону.

Олег Осипов с Джерькой, Таня с Линдой

Оборудуем будущему члену семьи место. Думаем над кормёжкой, прививками, прогулками и многими другими вопросами и вопросиками, которые нам совершенно внове: со взрослой Вегой их не возникало.

Основная проблема: что делать с моим отпуском, в который меня планово «выкидывают» в первой половине июня, дня через три после появления щенка в нашей семье? Изменить ничего нельзя: надо вести детей на дачу к бабушке, на реку Пашу. Таня не может: только что устроилась на работу,

на которую ой как трудно устроиться в нашем городе. Решаем, что придётся мне ехать и с ребятами, и с месячной Линдой.

Наконец настаёт день появления Линды. Вид маленького чёрно-крапчатого сеттеришки совершенно потрясает наших детишек: им ещё не приходилось видеть таких малышей. Маришка и Антошка не отходят от щенка ни на шаг. Живая и любопытная Линда быстро знакомится с новым жильём. Первым делом она осваивает своё место, где лежит принесённая от Соколовых тряпка, пропитанная запахами Донькиного гнезда и щенков. Скучает Линда по матери, сестричкам и братикам очень сильно, но недолго, всего два-три дня: ребята не дают, занимая щенка всякими играми. Проходит несколько дней, и подросшая Линда весело несётся нам навстречу, когда мы с Таней появляемся с работы и службы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.